

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Новинка!

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Контрразведка: Future

Василий Головачев

Нечеловеческий фактор

«ЭКСМО»

2013

Головачев В. В.

Нечеловеческий фактор / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2013 — (Контрразведка: Future)

ISBN 978-5-699-62606-9

Далекое будущее. Осуществлен запуск Суперструнника – гигантского орбитального ускорителя. Казалось бы, чисто научный эксперимент едва не обернулся катастрофой метagalактического масштаба. Степан Воеводин, командир спецподразделения «Сокол», уверен, что не обошлось без происков Знающих-Дорогу. Эта агрессивная космическая раса давно искала случая уничтожить человечество. На пути вражеских агентов становятся лучшие контрразведчики Земли. Времени у них мало. Считай – совсем нет...

ISBN 978-5-699-62606-9

© Головачев В. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	30
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Василий Головачёв

Нечеловеческий фактор

Глава 1

Удар по оси зла

Искрящаяся метель разнокалиберных летательных аппаратов вокруг центральной части Суперструнника начала редеть. Служба безопасности сыграла тревогу, предупреждая людей о начавшейся инициации запуска, и все, кто услышал предупреждение, поспешили прочь. Зонды видеонаблюдения, зависшие над гигантским сооружением длиной около двадцати тысяч километров, похожим на ажурный трубопровод и одновременно на старинную железную дорогу со шпалами, запечатлели красивый разлетающийся во все стороны рой светлячков. А затем наконец произошло ЭТО!

«Железная дорога» засверкала огнями, обвилась сетью ярких зеленовато-голубых молний, испустила снопы радужных искр, превращаясь в необычного вида «многоножку». Вуаль из лучей догнала спасающиеся бегством космолёты и катера и, прыгнув в пространство, погасла.

Люди, находившиеся на катерах, почувствовали мгновенную дурноту, слабость и боли в сердце, кое-кто потерял сознание, но, к счастью, никто не погиб. Волна искажений материальных объектов покатилась дальше со скоростью света, постепенно слабея, и до Марса и Земли, меж орбитами которых и располагался знаменитый Большой Ускоритель – Суперструнник, он же Дженворп, докатилась лишь слабая «дрожь» пространства, выраженная в падении и возрастании электромагнитных полей.

Однако специальные регистраторы и датчики, расположенные как вокруг Суперструнника в Солнечной системе, так и вдали от неё, в отличие от людей увидели и зафиксировали гораздо больше эффектов.

Суперструнник, прозванный в народе Суперклизмой, ускорителем как таковым не являлся. Он ничего не ускорял, зато создавал «струну» особого поля, деформирующего вакуум и создающего цепочку «чёрных микродыр», которые при схлопывании вызывали ливни элементарных частиц, в том числе экзотических – от монополей до нейтралино и «голых» кварков. Эта «струна» мгновенно проколола внутригалактическое пространство на десятки и сотни тысяч световых лет, задев на своём пути множество звёздных скоплений как в самой галактике Млечный Путь, родине человечества, так и в других галактиках. И хотя корабли землян не залетали так глубоко в космос, кое-какие эффекты при столкновении «струны свёрнутого пространства» с космическими объектами стали им доступны.

Уже пересекая окраины Млечного Пути, «струна» вонзилась сначала в облако газа, окружавшее бывшую новую¹ звезду, известную земным астрономам под номером 1428 Cep, а потом в систему из ста одиннадцати гигантских красных звёзд, образующую так называемую Ось Зла. Эта система располагалась в туманности Омега Кентавра, и свет от неё достигал Земли за семнадцать тысяч лет.

Попадание «струны» в облако газа вызвало сверхбыстрый скачок плотности облака, и рядом с центральной звездой – белым карликом, оставшимся от сбросившего внешние слои красного гиганта, образовалась растущая «чёрная дыра», поглощающая газ и пыль. В скором будущем она обещала захватить и саму звезду-карлик.

¹ Новая звезда – звезда, светимость которой внезапно увеличивается в тысячи и сотни тысяч раз (*астроном. термин*).

Но гораздо больший эффект произвело столкновение «струны» со звёздами Оси Зла, образующими удивительно ровную линейку из почти одинаковых по физическим параметрам гигантских красных звёзд, каждая из которых в десятки раз превосходила Солнце по размерам и массе.

События развернулись в течение одного часа, изменив не только вид звёзд Оси, но и порядок во всём скоплении Омега Кентавра, насчитывающем около десяти миллионов звёзд.

По всем расчётам на основе известных астрофизических законов рождение «чёрных микродыр» внутри звёзд должно было разве что привести к обычному звездотрясению, что в дальнейшем повлияло бы на внутризвёздные процессы ядерного синтеза и к изменению спектра их излучения, либо в крайнем случае к рождению «настоящих чёрных дыр» – когда звезда начинает коллапсировать, то есть неудержимо сжиматься к центру, превращаясь чуть ли не в точку и при этом в очень массивный объект, не видимый никакими инструментами, так как даже свет не может покинуть его пределы.

Однако этого не произошло.

Звёзды взорвались **все** одновременно! Причём взрыв был двойным. Сначала в их ядрах произошёл мгновенный коллапс сжатой давлением и разогретой до температур в десятки и сотни миллионов градусов плазмы: в ядрах шла реакция синтеза углерода из лития и гелия, – а затем произошёл обратный переход – от коллапса к расширению, похожий на процесс расширения Мета Вселенной. И хотя по масштабам этот взрыв нельзя было сравнить с Большим Бумом, породившим Вселенную человечества, явление получилось грандиозным.

Все сто одиннадцать звёзд Оси Зла разлетелись в клочья в течение нескольких мгновений, превратившись в сияющие световые вуали. И по скоплению Омега Кентавра, внутри которого находилась Ось Зла, покатила со скоростью, в десять раз превышающей скорость света (вопреки современной теории относительности), волна преобразования вакуума, превращавшая пространство, называемое людьми «пустотой», в нечто невообразимое – в твёрдый кристалл!

Но людям стало известно об этом далеко не сразу, через год после взрыва, когда изменение свойств вакуума в скоплении зафиксировали зонды у ближайших звёзд, запущенные земной службой Даль-разведки в процессе планового исследования Галактики.

Однако и взрыв звёзд в Омеге Кентавра был не единственным результатом запуска Суперструнника.

«Струна», родившаяся по воле конструкторов сооружения, не являлась лучом, имеющим начало и конец, она образовалась именно как **струна** – то есть линия, уходящая в дали Вселенной в **двух** направлениях. Хотя готовили Суперструнник как генератор векторного посыла энергии. Лишь гораздо позже, после обработки результатов эксперимента, выяснилось, что над конструкцией Суперклизмы поработали не только её создатели, но и таинственные обитатели внегалактических пространств, заранее рассчитавшие **двойной** выброс «струны». Поэтому второй её конец пронзил Галактику, задев несколько звёзд, и ушёл глубоко в космические просторы, где уткнулся в ещё один заранее подготовленный артефакт под названием Аттрактор Крестовского. Но чем закончилось это столкновение, люди узнали не скоро.

Зато факт попадания «струны» в Аттрактор, представлявший собой «стенку домена» – по мысли астронома, открывшего это необычное образование площадью в двадцать восемь миллионов парсеков², стал достоянием наблюдателей близкого к Аттрактору разумного кластера, обитавшего в плотных облаках пыли и газа возле горячей белой звезды.

Разумные существа данного уголка Вселенной представляли собой подвижные струи связанных бозонными полями кристаллов углерода, азота и кислорода и строили свои «пузыристые» жилища в соответствии со сложнейшими геометрическими формами, едва ли постижи-

² **Парсек** – мера измерения космических расстояний, равен 3,26 светового года.

мыми земными математиками и геометрами. Но они мыслили, обменивались информацией, изучали космос и владели своими стратегиями развития и логикой, понять которую человеку было трудно. Тем не менее, заметив рождение Чёрной Звезды – ямы в центре Аттрактора, наблюдатели разумных «пылевиков» находились в непосредственной близости от этого не приметного с виду (для земных астрономов) лоскутика «мыльной плёнки», так как «пылевики» тоже обладали любопытством и пытались познавать мир, – они не преминули сообщить об открытии своим коллегам – разумникам, с которыми контактировали, те передали сообщение дальше, и вскоре событие стало известно и другим разумным существам, в том числе – обитающим в галактике Млечный Путь и в её спутниках – галактиках Малое Магелланово Облако и Большое Магелланово Облако. Оттуда депеша о проколе «стенки домена» была отправлена и людям, хотя получили они её только спустя год после запуска Суперструнника.

Попадание же «струны» в «стенку» действительно выглядело феерично.

Этот странный объект, и в самом деле похожий издали, с космических расстояний, на лоскутик бликующей в свете близких звёзд мыльной плёнки, **отталкивал** всё, что к нему приближалось, в том числе галактики, звёздные скопления и пылевые ассоциации, движущиеся под влиянием тёмной энергии «к границам» Вселенной. Именно по эффекту отталкивания Аттрактор Крестовского и был открыт. По расчётам земных астрофизиков, Аттрактор появился шесть миллиардов лет назад, приблизительно в то же время, когда началась эпоха ускоренного расширения Вселенной, и отшвырнул от себя не одну галактику, а по крайней мере две сотни. Со времени его открытия многие учёные пытались дать объяснение этому феномену, предлагая десятки идей и гипотез, зачастую весьма экзотических. Не в последнюю очередь из-за них такие объекты в научной среде не зря назывались экзотами.

К примеру, профессор астрофизики Мичиганского университета Джон Маккейн сделал доклад во Всемирной Паутине, где утверждал, что Аттрактор Крестовского не что иное, как «осколок скорлупы первичного кокона Вселенной», который и взорвался более тринадцати миллиардов лет назад. На вопрос: почему этот «осколок» проявился в космосе только шесть миллиардов лет назад, – профессор простодушно ответил:

– Потому что он повернулся к нам «лицом», а до этого был виден с ребра.

Вопросы: кем был виден и кто сказал об этом профессору, – Джон Маккейн проигнорировал.

«Струна» «чёрных микродыр» вонзилась в центр «мыльной скорлупки» спустя пару мгновений после пуска Суперструнника.

Наблюдателям «пылевиков» не повезло, так как именно в этот момент их устройства контроля пространства были направлены на «осколок мыльной плёнки», видимой с расстояния всего лишь в пару десятков миллионов километров как слой стекла, искажающего очертания галактик и звёзд за ним.

«Пылевики» давно знали о свойствах экзотического объекта и установили вблизи его границы, отбрасывающей все движущиеся тела, свои наблюдательные пункты.

Сначала в «слое стекла» проявились колоссальной длины – в сотни тысяч километров – трещины, точно такие, какие наблюдаются людьми при попадании камня в настоящее стекло.

Затем по «стеклу» пошла волна, напоминавшая волну на воде от упавшего камня: звёзды и скопления за «стеклом» начали танцевать, подчиняясь законам распространения кольцевой волны.

Спустя ещё какое-то недолгое время в центре возникновения трещин образовался растущий световой круг, разбившийся на кольца-волны, а на этом фоне в его центре протаяло и начало стремительно расти чёрное пятно без единого проблеска света, действительно похожее на яму; под этим названием – Чёрная Яма – оно и вошло в список вновь открытых экзотов, когда земным учёным стал известен этот поразительный факт.

А кисейно-ажурные устройства наблюдения «пылевики» внезапно, одним рывком, унесло в Яму, словно какое-то колоссальное существо в ней сделало вдох.

Однако сообщение об открытии они всё-таки успели послать своим создателям, не ждущим от экзотического соседа никаких пакостей.

Глава 2

За гранью добра и зла

Звёзды разделяют расстояния, которые лучи света преодолевают сотни, тысячи и миллионы лет. Поэтому если даже ближайшая к Земле звезда альфа Кентавра взорвётся, мы узнаем об этом только через четыре с лишним года. Говорить же о событиях, происходящих от нас на расстояниях в миллиарды световых лет, не приходится, потому что когда лучи света принесут нам весть, возможно, и всей человеческой цивилизации к тому моменту не будет.

В начале двадцать четвёртого века космические расстояния остались теми же, однако люди уже овладели технологиями, позволяющими им преодолевать гигантские протяжённости, разделяющие звёзды, и дальразведчики посетили не один мир, удалённый от Земли на десятки тысяч световых лет. Некоторые из них залетали к центру³ *** Галактики, а специальные экспедиции посещали даже звёздные скопления, находящиеся вне Млечного Пути – галактики-спутники Малое и Большое Магеллановы Облака.

Однако ни один космолёт Земли ещё не посещал такие известные звёздные образования, как галактика Туманность Андромеды, отделённая от Млечного Пути расстоянием в два миллиона двести тысяч световых лет, и уж тем более не приближался к открытым астрономами экзотам, удалённым от колыбели человеческой цивилизации на сотни миллионов и миллиарды световых лет.

Поэтому объект, находящийся глубоко в космосе между созвездиями Кентавра и Гидры, землянам был недоступен. И дело было даже не в расстоянии: свет оттуда шёл до Солнца три миллиарда лет. Земные телескопы его просто не видели. При этом данный уголок космоса давно интересовал астрономов, так как именно в эту точку пространства устремлялся ещё один экзот – так называемый «**тёмный поток**», струя звёздных скоплений, вмещающая более тысячи четырёхсот галактик.

«Тёмный поток» был открыт ещё в две тысячи шестом году, но и в двадцать четвёртом веке о причинах такого направленного движения огромного количества галактик не было известно ничего. Споры шли до сих пор. Большинство учёных сходились во мнении, что в том направлении за многомерными пределами нашей Мета Вселенной находится невидимая «дыра», притягивающая материальные объекты, которая соединяет нашу Мета Вселенную с соседней.

Если бы существовал наблюдатель, способный контролировать данную область пространства, он бы в один из дней июля три тысячи седьмого года по земному календарю увидел бы интересное явление.

Этот район космоса был окружён вихрем слабо светящейся пыли и газа. Земные учёные сразу признали бы наличие в данной точке пространства чёрной дыры – при полном отсутствии звёзд, вокруг которой и вращалось реденькое газо-пылевое сгущение. Дыра там и в самом деле была, но иного характера, опиравшаяся на иные физические законы и созданная не на базе сконцентрированных в сверхмалом объёме тяготеющих масс. Диаметр этой «дыры» был намного больше тех, какими оперировали люди при расчётах «настоящих» чёрных дыр, он достигал одного светового года. И в неё проваливался не только окружавший «дыру» газ, но и все массивные объекты в радиусе тысяч световых лет, что и привело к исчезновению ближайших звёзд, планет и пылевых облаков. «Дыра» буквально вымела пространство как гигантская метла или скорее гигантский пылесос и постепенно росла, засасывая дальние звёздные образования, в том числе – струю галактик, известную под названием «тёмный поток».

³ Солнце отделяет от центра нашей Галактики 27 700 св. лет. До Магеллановых Облаков – около 179 000 св. лет.

Но как ни странно, и в этом необычном уголке вселенского континуума существовали устойчивые материальные конфигурации, не подверженные влиянию «дыры». Они походили на ветвистые, кристаллические, кружевные «мхи», соединявшиеся в красивые ажурные сети, которые образовывали нечто вроде сферы вокруг «дыры», но не притягивались ею и не реагировали на струи светящегося газа. Лишь изредка то один, то другой колючий «кусочек мха» размером с небольшую планету вспыхивал, обвиваясь сеточкой голубых молний, и от него отделялся некий законченный фрагмент, чаще всего формой напоминавший наконечник копья – если пользоваться человеческими аналогиями.

Поманеврировав возле «родительского куста», «наконечник копья» нырял в непросматриваемую глубину «дыры», исчезал, затем выскакивал из темноты обратно, как ныряльщик из воды, напоминая язык ажурного огня, и снова исчезал, но теперь уже направляясь прочь от непостижимого сооружения, которое никто не строил: «дыру» и её сетчато-фрактальный каркас создали законы физики, присущие **иной** Мета вселенной.

И на этот раз фрагмент сети, окружавшей «дыру», проделал точно такие же манипуляции.

Красивый стрелчатый силуэт «кусочка мха», напоминавший издали колючую веточку коралла, обвитый молниями, нырнул в «дыру» словно поплавок в воду от рывка рыбы, выпрыгнул обратно, нагруженный клубящейся внутри **тьмой**, поглощавшей свет не хуже бездонной ямы, и начал дрейф к ближайшему звёздному скоплению, которое вскоре – по галактическим меркам – должно было упасть в «дыру», влекомое той же силой, какая воздействовала и на «тёмный поток» галактик.

Однако судьба этого фрагмента «мха» оказалась иной.

В одиночестве он дрейфовал недолго.

В какой-то момент недалеко от него проявилась, словно сформировалась из пустоты, дюжина необычного вида объектов, похожих не то на гигантские грибы, не то на черепахи. Двигались они скачкообразно, пульсируя и раскачиваясь, испуская в пространство пучки иллюзорного «лунного» света. По всей видимости, это были прожектора, так как, пользуясь ими, «грибо-черепахи» ощупали летящий «фрагмент мха» и быстро окружили его со всех сторон.

Какое-то время ничего не происходило, вся образовавшаяся конфигурация дрейфовала в космосе, освещённая только лучами далёких звёздных скоплений, не подавая признаков жизни. Затем каждая «грибо-черепаха» вырастила из панциря подобие многосуставчатых лап, которые начали отламывать куски «мха». Закончилось это тем, что по ажурному «острию копья» прошла волна искажений формы, и его веточки начали осыпаться, таять, испаряться, исчезать.

Этот процесс длился до тех пор, пока от «мха» не осталось ровным счётом ничего.

Лапы же «грибо-черепах» по мере таяния «мха» сближались, наливаясь багровым сиянием, словно их раскаляло какое-то невидимое пламя, и вскоре сомкнулись в подобие ажурной сферы, внутри которой вдруг проявилось на миг нечто, напоминающее **лик зверя**, описать который человеческий язык просто не в состоянии.

Но «лик» проявился и погас, нырнув сам в себя, в своеобразную «яму без дна», а лапы, повибрировав, успокоились, сохраняя обрётённую форму сетчатого яйца. Спустя ещё непродолжительное время вся конструкция: шар «грибо-черепах» и внутри него шар из лап, – устремилась в космос, прочь от «дыры», ведущей в неведомые глубины иных измерений.

Набрав скорость, почти равную скорости света, гигантское сооружение, нагруженное «тьмой», окуталось синим пламенем и растаяло, не оставив следа.

* * *

Следящие системы «пылевигов», контролирующие подходы к звезде, давшей им жизнь, заметили сферический объект в тот момент, когда он приблизился к пограничному форпосту,

одному из множества таких же, располагавшихся в сотнях миллионов километров от центральной зоны обитания.

Форпосты представляли собой ажурные сгустки пыли и мелкого щебня, внутри которых работали операторы контроля, не нуждавшиеся в каких-то особых комфортных условиях.

Пограничная служба для «пылевиков» лишней не была, в их владения часто залетали кометы и астероиды, уничтожая и без того хрупкие сооружения и зоны проживания. Поэтому внезапное появление достаточно большого космического пришельца размером с приличный планетоид произвело на обитателей форпоста сильное впечатление. «Пылевики» не знали, что такое страх, но инстинктом самосохранения обладали и заволновались.

Была объявлена тревога. К форпосту от центральной зоны обитания, расположенной в коротационном круге звезды, где было сооружено инженерное кольцо – верх технологий и геометрического искусства «пылевиков», ценителей изысканных фрактальных форм, направился брандер – сторожевой солитон, способный генерировать мощные лазерные импульсы.

Включились системы опознавания и связи. Навстречу гостю понеслись серии радиоимпульсов, складывающиеся в предупреждение:

«Просим остановиться! Угроза разрушения жилых обитаемых зон! Представьтесь, кто вы, какую цель преследуете».

Однако гость, похожий на двойной ажурный шар, на предупреждение не ответил, он сразу начал действовать.

Протаранив форпост, превратив его в струи пыли и газа, шар устремился в глубь пограничного пояса и, когда до главной звезды «пылевиков» оставалось чуть больше двух астрономических единиц, внезапно начал раскрываться, выворачиваться наизнанку, образуя нечто вроде рупора, выбрасывая то, что находилось внутри – второй шар, слепленный из «лап-манипуляторов».

После этого «грибо-черепахи» бросились наутёк, используя технологии двойного ускорения, и вскоре затерялись в черноте космоса.

По «лапам» шара зазмеились голубые молнии, они вскипели фонтанами искр и испарились.

Пространство содрогнулось!

Нечто, содержащееся внутри шара, вырвалось на волю, ввинчивая в просторы солнечной системы «пылевиков» гигантские невидимые **«смерчи тьмы»**.

Там, где проходили эти чёрные и оттого невидимые, неистово клубящиеся, рвущие материальные объекты на атомы, на элементарные частицы, изменяющие мерность пространства, смерчи, оставались **пустые** коридоры, внутри которых тихо затухали рои искр – продолжавших распадаться частиц. В них не оставалось ни пыли, ни газа, ни иных тел, космос здесь становился «плоским», кристально чистым и прозрачным, словно его пропылесосили.

Не помогли «пылевику» ни силовые завесы, ни экраны, ни вооружённый лазерными излучателями защитный флот, напрасно расстреливающий **пустоту**.

Нечто, выброшенное шаром-пришельцем, не реагировало на защитные манипуляции «пылевиков», пробивая бреши в их поселениях и вычищая пространство всё дальше и дальше, до звезды, вдруг освободившейся от облака пыли и засиявшей ярко и весело.

Это была самая настоящая атака на уничтожение неизвестных сил, в течение короткого времени не оставивших от цивилизации «пылевиков» почти никаких следов.

«Нас уничтожили намеренно, – флегматично просигналил Главный Оператор защитного брандера, командующий космическим флотом «пылевиков». – За то, что мы сообщили об открытии Чёрной Ямы. Необходимо немедленно отправить депешу соседям. У нас есть такая возможность?»

«Внешние станции связи уничтожены, – не менее флегматично ответил Второй Оператор; всего в коконе управления медленно перемещались пять Операторов – монада контроля,

сгустки пыли в форме «ежастых червей». – Можно попробовать запустить сигнал бедствия через уцелевшие Уши».

Он имел в виду антенны приёма галактического излучения или попросту – вседиапазонные телескопы.

«Мы гибнем, причины агрессии неизвестны, агрессор не отвечает на наши призывы, об этом должны знать все живущие в пределах нашего доступа».

«Если успеем послать сообщение, со всеми известными данными, замерами и прогнозами, о нашей гибели узнают Ближние», – просигналил Третий Оператор, самый молодой из монады контроля, только-только начавший работать.

«Проведите брандер к Ушам».

«Расчёты готовы, курсовая программа введена».

«Благодарю, Третий».

Ажурный «орех» космолёта «пылевиков» начал ускоряться, перешёл в состояние «призрака»; «пылевики» давно овладели технологией «просачивания» сквозь вакуум.

«Уши будут уничтожены через три-четыре длительности», – доложил Четвёртый Оператор.

«Успеем».

Брандер начал прыжок, перенеся его из пограничной зоны к внешним поясам контроля, где располагались антенны следящих устройств – плоские ажурные квадраты сгущений пыли, удерживаемых магнитными полями.

Антенны ещё не были повреждены «смерчами тьмы», пляшущими по солнечной системе «пылевиков» со скоростями, намного превышающими скорость света, но жить им оставалось недолго, судя по разливающемуся вокруг безмолвию: панические крики и скороговорки исчезающих «объёмов мысли» постепенно сменялись гробовой тишиной. Звать на помощь было некого и некому.

Дырчатый космолёт защитной монады достиг крайнего Уха, осторожно пристыковался к нему, чтобы не деформировать систему.

«Присоединяемся, – просигналил Главный Оператор, – у нас нет выхода. Мы должны войти в резонанс и отдать импульсу всю нашу энергию».

«Я хочу жить», – вскинулся Третий Оператор.

«Это уже неактуально, – проворчал Пятый Оператор, самый старый. – Мы уходим вслед за всеми. Если мы не предупредим остальных живущих, никто не предупредит».

«Выходим!» – скомандовал Главный.

Пылевые «ёжики-ужи» выскользнули из брандера, образовали кольцо и всосались в решётку антенны, став частью излучающего контура. И в космос полетела невидимая молния передачи:

«Всем, кто нас слышит! Мы гибнем! Враг неизвестен! Примите наши души...»

Глава 3

Тайные встречи

К началу двадцать четвёртого века Земля не стала образцом порядка, спокойствия и главенства Закона, несмотря на развивающиеся и применяемые технологии противодействия международному терроризму и криминализации власти.

Метастазы коррупции проникли не только в государственные структуры, но и во все институты власти, в том числе в системы безопасности, превратившиеся в результате в закрытые корпоративные союзы наподобие древних мистических Орденов и сект, скрывающие деятельность главных управляющих и менеджеров.

Всё большую угрозу стало представлять бионасилие, особенно после внедрения во все сферы жизни нанотехнологий. Нановирусы свободно проникали в человеческое тело, вызывая новые болезни с необычными симптомами, и защита от них стала гораздо более прибыльным бизнесом, чем торговля наркотиками. Не спасал даже тотальный контроль населения: всё, что люди говорили и делали, записывалось, прослушивалось и просматривалось, становилось достоянием общественности, тем более, что большинству жителей планеты с детства вшивались импланты – «для облегчения поиска и спасения попавших в беду», а также «для контроля здоровья детей». Но нелюди, с азартом подмешивающие в пищу швейные иглы и бритвенные лезвия либо находящие особый шик в том, чтобы плюнуть в мясной фарш либо тайно нагадить в чан с молоком, как были нелюдьми в двадцать первом веке, так и остались нелюдьми в двадцать четвёртом, разве что возможности их выросли. Теперь в пищу подмешивали нановирусы, запрограммировать которые на любое действие было совсем легко.

Не спасало ситуацию и возникновение новых правовых институтов и формирований, таких как Всемирная Ассамблея Права и ФАК – Федеральное Агентство контроля за опасными исследованиями. Ассамблея формально связала мировые правовые системы, была создана глобальная сеть правовой информации – GLIN, располагавшая базами данных национальных законодательств, объединившая более ста пятидесяти стран мира. Но и это не помогало решать конфликты, а если до вершин власти в этих организациях добирались беспринципные люди, земную цивилизацию потрясли настоящие политические штормы, только чудом не перераставшие в глобальную войну.

Да и ФАК зачастую тормозил, не успевая отслеживать появление опасных технологий, особенно в тех случаях, когда в рядах Агентства оказывались лидеры и агенты частных компаний, заинтересованных в продаже того или иного товара, в том числе грозящего здоровью населения планеты.

Руслан Горюнов после нештатного запуска Суперструнника остался инспектором ФАК и даже пошёл на повышение. Теперь он числился ведущим инспектором и выполнял особо важные поручения руководства, связанные с расследованием незаконных махинаций и экспериментов. При этом он оставался и сотрудником секретного подразделения земной контрразведки «Сокол», специализировавшегося на противодействии эмиссарам недружественных галактических цивилизаций.

При создании этого подразделения мало кто верил, что контакты с подобными цивилизациями будут реальны. Однако уже полёты дальразведчиков к центру Галактики и к Магеллановым Облакам показали, что землян не везде ждут с распростёртыми объятиями, а возня галактоидов в Солнечной системе во время запуска Суперструнника и вовсе доказала отсутствие у них положительных эмоций по отношению к людям. Хотя истинную причину этого знала лишь ничтожная часть человечества, в основном как раз – внешняя контрразведка.

Прошёл год с момента запуска самого большого технического устройства, созданного когда-либо людьми.

Руслан часто мотался по Солнечной системе, либо в составе комиссий, либо индивидуально участвуя в экспериментах физиков, испытывающих всякого рода преобразователи энергии, медиков, разрабатывающих рецепты бессмертия, генетиков, стремящихся вырастить неуязвимых «сверхлюдей», способных жить непосредственно в вакууме либо на таких планетах, как Венера, имеющая ядовитую атмосферу из почти чистого углекислого газа, нагретого до температуры в пятьсот градусов Цельсия.

В мае он стал свидетелем битвы двух информационных робосистем, разработанных разными частными компаниями – «Самсунг» и «Нокиа». По замыслу разработчиков системы должны были обеспечить безопасность глобальной Сети от хакерских атак и работы разведструктур конкурентных корпораций, но получилось всё ровно наоборот, «Самсунг» и «Нокиа» схватились не на жизнь, а на смерть, начали кибервойну, вышли из-под контроля людей, и остановить их оказалось очень непросто. Лишь вмешательство спецгруппы Федеральной Службы безопасности России, специализировавшейся на борьбе с кибертеррористами, позволило ограничить деятельность робосистем, получивших власть чуть ли не над всей Всемирной Паутиной, а затем и ликвидировать их как гигантские протяжённые «вирусы».

Руслан в операции «по ограничению» не участвовал, сделав доклад в ФАК о чрезвычайно опасной индивидуализации компьютерных систем, что впоследствии позволило Союзу Объединённых Наций разработать юридически обоснованные законы, уточняющие так называемые «азимовские законы роботехники», впервые упомянутые ещё в двадцатом веке.

Борьба с кибертеррористами была достаточно увлекательной, но Руслан жаждал иного адреналина – полученного в борьбе с неведомыми Знающими-Дорогу-Не-Терпящими-Возражений, по чьей воле и был запущен Суперструнник. Но Воеводин, глава «Сокола», велел ему на время «залечь на дно» и ждать, что Руслан и делал скрепя сердце. Терпеть и ждать он уже научился, хотя и к первому, и ко второму относился с отвращением.

Вечером девятнадцатого июля он вернулся из очередного вояжа за пределы Земли: на этот раз в его обязанности входила проверка заявления коллектива центра управления «Сферой», находящегося на обратной стороне Луны, о превращении комплекса в некий «парк развлечений», а по существу в бордель. Из заявления, подписанного тридцатью сотрудниками ЦУПа, выходило, что их руководство стало беспрецедентно часто вызывать к себе «девушек лёгкого поведения», которые слонялись по коридорам комплекса, заглядывали в операторские залы и мешали работать.

Руслана попросили проверить это заявление, хотя оно и не относилось к компетенции ФАК, и он честно проверил.

«Сферой» называли систему телескопов, расположенных возле многих планет и в космическом пространстве, объединённую в единый визуально-наблюдательный конгломерат. По сути она являлась не только отличным рабочим инструментом астрономов, позволявшим проникать взглядом в глубины Вселенной, но и служила частью внешнего сторожевого механизма, призванного фиксировать приближение опасных тел к планетам и сооружениям и предупреждать о событиях в космосе, несущих потенциальную угрозу существованию человечества. Поэтому конфликт на таком важном объекте, как ЦУП «Сферы», не зря встревожил Агентство.

Девушек в коридорах комплекса и в операционных зонах Руслан действительно встретил, по меньшей мере четверых. Поговорил с руководителем ЦУПа Морганом Фрайменом, надеясь получить объяснения, и услышал ответ, что гуляющие по комплексу девушки появились недавно, но кто их приглашает, как они обходят службу охраны, никто не знает. Фраймен сам был заинтересован в блокировании непрошенных гостей и даже написал рапорт директору Службы безопасности.

Руслан попытался установить контакт с одной из девушек, но они вдруг исчезли как по волшебству, все до одной, словно их предупредили о визите инспектора, и, побродив по служебным помещениям комплекса три часа, он вернулся на службу, размышляя, докладывать ли о странном инциденте Воеводину.

Решил не докладывать, пока не разобрался сам.

Жил он по-прежнему в Зарайске, в трёхкомнатном жилом модуле площадью в тридцать шесть квадратных метров, по старинке называемом квартирой. Принадлежала она ещё прадеду Руслана Петру Фомичу и с тех пор, по крайней мере в течение почти ста лет, не перестраивалась. Её размеры считались по нынешним меркам избыточными для проживания одного человека, на Земле с трудом размещалось десять с лишним миллиардов человек, и люди были счастливы получить в качестве жилья модули размером в десять квадратных метров. В особо же густонаселённых странах Азии и Африки давно вошли в моду высотные капсульные «муравейники», предназначенные только для сна, вмещавшие до двадцати тысяч человек. «Удобства» в этих башнях располагались на самом нижнем этаже здания.

В России речь об уплотнении городского населения пока не заходила, хотя Сибирь и прибрежные зоны Северного Ледовитого океана стремительно застраивались, и усадебное хозяйство – основа основ жизнеобеспечения россиян – постепенно уходило в прошлое.

Вернувшись домой, Руслан искупался под озонированным душем, вышел на крохотную веранду, чтобы полюбоваться на кремль и реку Осётр с двухсотметровой высоты, и в это время в прихожей мяукнул домофон, предупреждая хозяина о госте.

Он встрепелся, гадая, кто это может быть, вышел в прихожую. Из виомчика домофона на него смотрела девушка-блондинка с прямыми волосами, падающими за спину, одетая в белый, с оранжевыми вставками, костюмчик службы доставки. В руках она держала бумажный пакет пирамидальной формы.

– Пиццу заказывали? – спросила она с ослепительной улыбкой.

– Э-э... да, конечно, – поспешно исправился он, – давно жду, заходите.

Виом погас.

Руслан подождал полминуты, чувствуя, как заводится сердце, учащается дыхание и к щекам приливает жар, открыл дверь.

Вариалифт, доносящий пассажиров до дверей любой квартиры, открыл прозрачную дверцу, и девушка из службы доставки (обычно такие поручения выполняли витсы) остановилась перед хозяином.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

– Прошу вас, – спохватился Руслан, делая приглашающий жест.

Девушка вошла.

Дверь за ней закрылась.

И они бросились в объятия друг друга.

Потому что это был не посыльный-витс, а Ярослава, бывшая жена Руслана, год назад руководившая строительством Суперструнника.

Нет, безумными они не были. Но безумно жаждали встреч, которые приходилось скрывать от всех, поскольку официально они находились в разводе и жили отдельно, сохраняя статус-кво независимых друг от друга людей. Он работал инспектором ФАК, она почти год назад заняла пост командора Пограничной службы Земли, заменив Дмитрия Шевчука. При этом оба продолжали служить в первую очередь Отечеству, оставаясь секретными сотрудниками разных ведомств, во вторую – человечеству в целом.

Целовались до умопомрачения. Разделись за несколько секунд. А потом упали на кровать, не стесняясь наготы, находя особое наслаждение в любом прикосновении, ибо каждое несло ласку и призыв, возбуждая до потери мысли, и думать о чём-либо стало не нужно. Они

любили друг друга и в порыве страсти уносились в такие дали Вселенной, которые были недоступны не влюблённым.

Долго не могли прийти в себя.

Потом Яра пошевелилась с закрытыми глазами, поднялась, и Руслан подал ей полупрозрачный шёлковый халатик.

– Идём вместе.

Он послушался. Акваблок впустил их в своё сверкающее хрусталём нутро, включил струи воды таким образом, чтобы они не попали в лицо. Несколько минут купались, дурачились, подсовывая друг друга под струи, снова начали целоваться, его пальцы нашли её грудь, но Ярослава отстранилась.

– Изыди, сатана, я не надолго.

– Я не ждал тебя сегодня, что-то случилось?

– Иди, потом поговорим.

Руслан послушно выбрался из акваблока.

Она вышла через полчаса, абсолютно не похожая на ту блондинку, которая принесла пищу. Впрочем, это было неудивительно, при встречах то Руслан, то Ярослава пользовались динго-маскерами, разительно меняющими облик.

Он уже приготовил зелёный селенчай и сырники в молочно-фруктовом соусе, что очень любила жена, выложил на тарелки фрукты и канапе с малиной. Попытался было обнять Ярославу, но она, прижавшись к нему на мгновение, села за стол.

– Мне нужно бежать. Уверен, что по квартире не ползают «клопы»?

Речь шла о подсматривающих и подслушивающих устройствах, выполненных на основе нанотехнологий, которые человек не мог даже разглядеть.

Руслан засмеялся.

– Специально сам запустил. Не бойся, за этим у меня строго следит Пантелей, к которому я подсоединил новый СОМ.

Пантелеем Руслан называл свой инк, игравший роль домового, а СОМом называлась система обнаружения следящих микроустройств, применяемая контрразведчиками, не раз оправдавшая себя.

Такие же системы были встроены и в костюмы-уники Руслана и Ярославы, способные не только обнаруживать «клопов», но и уничтожать многие нановирусы.

Ярослава кивнула, похвалила повара:

– Вкусно, как всегда. Соскучилась по домашней кухне, честно говоря.

– Понимаю, я тоже редко готовлю, да и неохота одному. Как твои дела? ЗД не проявились?

По лицу Ярославы прошла тень.

Год назад она сотрудничала с МККЗ – Межгалактической Комиссией по контролю Законов, которая боролась с агентами Знающих-Дорогу, но кто они и в каком облике прятались на Земле, среди людей, установить не удалось. Вполне возможно, эмиссарами МККЗ были люди, с которыми она выходила на связь и которые соглашались сотрудничать с ними не ради славы, а ради жизни.

ЗД тоже искали себе исполнителей среди людей, но они находили психически ущербных людей, жаждущих власти и презирающих человеческую мораль и этику, а в иных ситуациях и зомбировали тех, в ком нуждались, «вшивая» им на случай провала программы самоликвидации.

– Думаю, это именно Знающие предложили мою кандидатуру на пост командора Погранслужбы.

– Почему? А может, парни из МККЗ?

– Парни из Комиссии молчат, их посланцы перестали играть роль связников и помощников. Лишь Веласкес со мной, он теперь мой курьер. А Знающим я, очевидно, понадоблюсь в роли командора, чтобы в нужный момент сработать защитником их интересов.

– Но Погранслужба прикрывает дальние рубежи цивилизации.

– Значит, эти рубежи планируется каким-то образом нарушить.

– Каким?

– Не знаю. Возможно, мне будет предписано на что-то закрыть глаза и мешать пограничникам бороться с внешним вторжением. Пока вхожу в курс дела, разбираюсь с проблемами, встречаюсь с деятелями СОН и Служб безопасности. Кое-кто из них явно не на нашей стороне, уж слишком приветливы. Что ты знаешь о Комконе?

Руслан отложил сочный абрикос, вытер пальцы салфеткой.

Комиссия по контактам при Союзе Объединённых Наций была создана недавно и, по утверждению Ивана Грымова, помощника Воеводина, была напичкана агентами Знающих-Дорогу.

– Мы с ней не сталкивались. Хотя... я не в курсе, честно говоря.

– Поговори с шефом, там тусуются нелюди, готовые на всё ради самолюбования и славы, такие охотно соглашаются сотрудничать с ЗД. В будущем они намерены занять все значимые посты в мировых правительствах.

– Хорошо, доложу Воевдину.

– Херцига так и не нашли?

– Сбежал, гад, вместе со всеми замами и телохранителями. Во всяком случае, ни на Суперклизме, ни вообще в Солнечной системе он не обнаружен. К тому же возникла проблема: никто не спешит помогать спецслужбам ловить преступников, как в былые времена. Каждый сам по себе, никому ни до чего нет дела, все заботы – о себе любимом.

– Это правда, – погрузилась Ярослава, отставляя чашку с селенчаем. – Наш мир становится всё более индивидуалистичным. Интернет не объединил, как утверждали социологи, а по сути глобально разъединил человечество. Люди всё в меньшей степени связаны друг с другом и всё в большей мере живут для себя. Уже и семьи стали не нужны. Как сказал один из нынешних теоретиков социума Сандомирский: главной болезнью общества стало одиночество.

Руслан улыбнулся.

– Анекдот вспомнил в тему, хочешь расскажу?

Ярослава заколебалась.

– Ты редко вспоминаешь хорошие анекдоты.

– Ладно, не буду.

– Рассказывай.

– Встречаются два приятеля, один говорит: «Знаешь, почему Анна Каренина легла под поезд?» – «Нет, почему?» – «Потому что не нашла ни одного настоящего мужика».

– Я так и предполагала.

– Извини, – развёл он руками виновато. – Я считал, что отсутствие настоящих мужиков – тоже болезнь.

– Это результат инфантилизации, в современном обществе психологически невыгодно взрослеть, ведь тогда придётся взваливать на свои плечи груз взрослой ответственности. Куда лучше оставаться «вечным ребёнком», жить ради развлечений и построения виртуальных миров. Нырнул в Сеть – и живи, не тужи, за тебя всё сделают другие. Вот и нет настоящих мужиков.

– Надеюсь, в твоём нынешнем окружении нет мачо? – сделал он строгое лицо. – А то заревную.

– Дурачок, – слабо улыбнулась Ярослава, – никто мне не нужен, кроме тебя.

Руслан потянулся к ней через столик, но она, быстро поцеловав его, встала.

– Я спешу, не буди в себе зверя.

Он разочарованно спрятал руки за спину.

Ярослава пошла к двери, но вернулась, оценивающе всмотрелась в его лицо с опущенными уголками губ, обняла, прижалась лицом к груди.

– Ты не представляешь, как мне хочется остаться! Вот закончится эта катавасия с ЗД...

Он замер, вдыхая волшебный запах её духов, обнял женщину, чувствуя такое желание защитить её от всех бед, что останавливалось сердце.

– Закончится... и что?

– Ты никогда не задумывался о детях?

– О детях? – удивился он. – Ну... если пофантазировать...

– Я хочу детей! Двоих, а то и троих! И чтобы мы жили вместе, отдыхали вместе и не мотались по планетам поодиночке. Или ты против?

Он сглотнул, боясь испугнуть птицу счастья, обнявшую их своими крылами.

– Я бы... всё отдал... ради этого!

– Представляешь? Мы на берегу озера... палатка... костерок... дети купаются, визжат... а мы смотрим на них с берега.

– Представляю.

Руслан приподнял пальцами лицо Ярославы с закрытыми глазами, нежно поцеловал в полуоткрытые губы.

Она раскрыла затуманенные глаза, ответила на поцелуй, но быстро взяла себя в руки – железный командор Погранслужбы – и пошла к двери. Оглянулась.

– Я люблю тебя!

Дверь закрылась.

– Я тебя тоже, – ответил Руслан запоздало, всем существом желая подольше задержать любимую. Встрепенулся, улыбаясь во весь рот, глянул на себя в зеркало, – светлые волосы, светло-серые глаза, упрямый подбородок, – согнал улыбку с лица.

– Ну что, мачо Горюнов? Если тебя кто-то любит, значит, ты кому-то нужен?

Отражение скорчило рожу и рассмеялось.

Глава 4

Контрразведка

Вопреки ожиданиям после решения проблемы с Суперструнником хлопот не убавилось, у «Сокола» появились другие задачи, и Воеводин, рассчитывавший отдохнуть, с грустью констатировал, что покой ему только снится. Работа требовала мобилизации всех сил, отдых же продолжал оставаться несбыточной мечтой.

Утром двадцатого июля по средне-солнечному времени по консорт-связи объявился Грымов:

– Приветствую, Степан Фомич. Хорошо выглядите.

Воеводин, находившийся в этот момент в своём рабочем модуле на базе «Сокола», располагавшейся в глубинах спутника Нептуна Нереиды⁴, усмехнулся.

– Когда-то я и в самом деле был молод, строен и красив, теперь – только красив. Ты где?

– На Луне, в ЦУПе «Сферы». Наши подозрения подтверждаются. Лингвисты только что расшифровали полученный из Малого Магеллана сигнал. Им мешали, донесение комконовцы засекретили, однако наш человек смог открыть нужный файл.

– Давай ко мне.

Виом связи свернулся в световой шнур, погас.

Воеводин, кряжистый, крупнотелый, с седыми висками, привычно отметил отсутствие помех, что подтверждало отсутствие перехвата связи, выбрался из кокон-кресла.

Гравитация в помещениях базы поддерживалась на уровне земной, поэтому привыкать к невесомости не было надобности.

Походив из угла в угол модуля – воплощения спартанской простоты, он сел в лифт и поднялся под купол базы, венчавший одну из гор спутника гигантской планеты. Гора ничем не отличалась от соседних, образующих хаотический горный рельеф Нереиды, поэтому найти базу, не зная её координат, было невозможно.

На руководителя особого подразделения «Сокол» Управления внешней контрразведки Федеральной службы безопасности упал голубовато-зеленоватый отсвет, рождённый округлым объектом в зените: это был Нептун, видимый с расстояния в несколько миллионов километров⁵ и кажущийся облаком светящегося тумана с нечёткими краями, а не планетой.

Звёзды в небе Нереиды были крупными и яркими, Нептун не затмевал их своим светом, плотной атмосферы Нереида не имела, и немигающие звёзды сияли так, что кололи глаза.

Низко над горизонтом пронеслась стайка оранжевых искр.

Воеводин проводил их рассеянным взглядом. Это были спутники-маркеры, запущенные специально для предупреждения всех подлетающих к Нереиде космолётов о том, что перед ними частное владение.

Этот бывший астероид, захваченный гравитационным полем Нептуна и ставший его спутником, на самом деле был куплен два десятка лет назад, хотя «частным владельцем» его был не земной миллиардер, а Служба внешней контрразведки.

В ухе проклюнулся голос инк-служителя:

– К вам гость.

Воеводин очнулся от созерцания панорамы космоса, действующей на него завораживающе, вернулся к себе.

⁴ Диаметр Нереиды равен 340 км.

⁵ Эксцентриситет орбиты Нереиды таков, что её расстояние от Нептуна колеблется от 1,4 до 9,5 миллиона км.

Грымов, невысокий, белобрысый, неприметного облика, не качок и не брутальный мачо, «ботаник», как называли таких девушки, терпеливо ждал руководителя «Сокола» у порога кабинета. Лицо у него было ословелое.

Воеводин пожал помощнику руку.

– Проходи. Выглядишь как после бурно проведённой ночи.

– Не выспался, – флегматично подтвердил Грымов.

– А причина?

Иван подумал.

– Причина тоже не выпалась.

Воеводин шевельнул бровью, с любопытством глянул на помощника.

– Ах да, ты же недавно женился. Ну и как тебе семейная жизнь? Нравится? Садись.

– Семейная жизнь пока не складывается, – вздохнул Грымов, присаживаясь на единственный гостевой стул. – Мы всё время с Надей в разных временных поясах. Она мотается по свету не меньше, чем я.

– Терпи, друг мой, сам выбирал врача-эпидемиолога.

– Скорее, она меня выбрала. Просто наши родители дружны, я приехал к ним, увидел её... она меня.

– И ты произвёл на неё впечатление. Редко, но бывает. Выпьешь что-нибудь?

– Нет, кофе разве что.

– Глоточек коньячку для бодрости? Как говорится, алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– Не провоцируйте, я пью только в исключительных случаях. Последний раз коньяк пил после аврала на Суперструннике.

– Два средних напрассо, Додик, – сказал Воеводин, активируя кибя, обслуживающего модуль.

Через две минуты они пили кофе, зёрна которого были выращены в невесомости, в оранжерейных условиях.

– Как там поживает наш герой?

Грымов понял, что речь зашла о Руслане Горюнове.

– Нормально, парень возмужал, поднаторел, научился сдерживаться. Тайно встречается с женой.

– Это как?

– Официально они давно в разводе... ну, вы знаете, а она сейчас...

– Командор Погранслужбы, пропусти детали.

– Ни ей, ни ему нельзя подавать повода...

– И это понятно, откуда ты знаешь, что они встречаются?

На лице Грымова не дрогнул ни один мускул.

– Положение обязывает.

– Это верно, – сделался задумчивым Воеводин. – Мы ввязались в такую бодягу с вирусами, что обязаны дуть на холодную воду, как говаривали в старину. Ярослава Тихонова под контролем?

Грымов вопросительно посмотрел на собеседника.

– Мы же решили не брать её «под колпак».

– Я имею в виду **чужой** контроль.

– Нет, всё тихо, судя по всему, её оставили в резерве.

– Кто?

– И те, и другие, холуи ЗД, считающие её своей агентессой, и внедренцы МККЗ. Горюнов доложил бы, узнав о попытках связи, она с ним откровенна. Между прочим, я ещё год назад предлагал обречь её с нами.

– Ни в коем случае, полковник, возможно, за ней ведётся наблюдение. Пусть работает самостоятельно, а мы будем контролировать её через Горюнова. Теперь к делу.

Грымов протянул Воеводину иголку флэшки.

– Здесь расшифровка послания из Магеллана.

Воеводин воткнул иголку в рабочий стол.

Вириал инка сыграл световую гамму, развернул виом.

В объёме монитора возникла переливчатая вуаль, собралась в красивую вязь фрактала, напоминающего губку Серпинского⁶. Губка начала крошиться, её отпадающие «крошки»-узелки побежали строчками символов-иероглифов, расплываясь дымками, а под каждой строчкой начали формироваться буквы латинского алфавита, складываясь в слова.

– Почему латинский? – хмыкнул Воеводин.

– Какому-то чиновнику из Комкона показалось, что сообщение на латинском никто не прочитает.

– Дурость!

– Согласен. Там дальше перевод на русский.

Латинские слова начали трансформироваться, складываясь в текст на русском языке.

«Живущим в Пыльном Хвосте: предупреждение! Ваш ненужный, непросчитанный и опасный эксперимент с инициацией развёртывателя измерений закончился Вторым Прорывом! Беспредельность растёт, риск Обнуления Основы увеличивается. Весть пришла от зеркальной Стены, которая есть Ограничение. Вестники уничтожены Бомбой Хаоса! Вы на острие такого же удара Хаоса! Берегитесь!»

Воеводин помял затылок мясистой ладонью.

– Ты читал?

– Разумеется.

– Что скажешь?

– Нас предупредили – это всё, что я понял. Нужен специалист, который смог бы разгадать эту шараду. Что за Второй Прорыв? А кстати, где тогда первый? Что за Стена, которая есть Ограничение? Что за Вестники уничтожены Бомбой Хаоса? Что она собой представляет конкретно?

Воеводин перечитал послание неведомых разумных существ из Магелланова Облака ещё раз.

– Ну, Пыльный Хвост – это скорее всего наш звёздный Рукав Ориона-Лебедя, к которому относится Солнце. Развёртыватель измерений, очевидно, Суперструнник. А вот Второй Прорыв... м-да! Ты прав, нужен хороший спец, желательно астрофизик. Но кто предупреждён, тот вооружён, спасибо магелланцам за весть. Слетать бы туда, поговорить с ними.

– Наших дальразведчиков туда по-прежнему не пускают.

– Почему, как ты думаешь? Боятся?

– Боятся.

– Кого, нас или ещё кого-то?

– Вероятно, Знающих. Но на всякий случай заблокировались от всех желающих потолковать с ними.

– Кто такие Вестники?

– Наверно, разумники, живущие рядом с этой самой зеркальной Стеной. Они не должны были увидеть... гм, Второй Прорыв.

– Беспредельность растёт, – задумчиво повторил Воеводин, – риск обнуления Основы в Неведомость увеличивается. Что такое Основа?

– Наша Метагалактика.

⁶ Губка Серпинского – простейшая объёмная фрактальная структура.

– Может быть. Однако что происходит? Наш Метадомен сдувается? Так он, наоборот, расширяется с ускорением, уже шесть миллиардов лет.

Грымов промолчал, он не любил повторяться.

Воеводин залпом допил остывший кофе.

– Если нас ждёт некий удар, к нему надо готовиться.

– Мы и так сидим на ВВУ⁷.

– ВВУ недостаточно, объявим «ползучую змею». Усилим погранконтроль, наострим все «уши» «Сферы», определим потенциальных предателей, которых могут привлечь к своим делам ЗД. Попытаемся проанализировать, откуда может быть нанесён удар.

– Прежде надо определиться, какова его природа, иначе растратим силы впустую. Кстати, почему бы нам не привлечь к нашей проблеме анахорета?

– Кого? – удивился Воеводин.

– Физика Шапиро. Он в своё время здорово помог Горюнову. И нам.

– Почему ты назвал его анахоретом?

– Потому что он действительно похож на отшельника, хотя не чурается современной молодёжи. Насколько мне известно, живёт он сейчас с девчонкой моложе его лет на пятьдесят.

– Можно только позавидовать такому здоровью. Он не переехал?

– Шапиро по-прежнему живёт в Минске, бульвар Славянского Союза, жилой комплекс «Алые паруса», десятый уровень, модуль триста тридцать. По моим данным, профессор имеет ещё небольшой коттеджик на Марсе, в долине Маринера. Он либо здесь, либо там.

– Выясни.

Взгляд Грымова ушёл в себя: он включил контур импланта менара – мыслерации, напрямую «вшитой» в нервную систему.

Немой разговор длился недолго.

– Похоже, он дома в Минске, там сейчас пять часов утра.

– Накройте его «эшелоном», немедленно! Его уже пытались убить киллеры ЗД! Если предупреждение магелланцев имеет под собой почву, агентура Знающих начнёт заранее убивать всех, кто потенциально способен им помешать.

Грымов снова превратился на несколько секунд в соляной столб.

– Распоряжение пошло.

– Летим к нему.

– Может, лучше переправить его к нам?

– Вряд ли это вызовет у него положительные эмоции, человек он сложный и далёк от наших проблем, ещё ляпнет кому-нибудь о визите в контрразведку, и мы лишимся консультанта. Нет, нанесём ему ранний визит, посмотрим, как живёт, чем дышит.

Воеводин скрылся в модуле отдыха, вышел одетый в скромный серо-голубой уник ведомственного клерка без всяких нашивок и шевронов, обычно подтверждающих статус официала высокого ранга. При этом уник был оборудован всеми доступными системами связи и защиты от нановирусов и мог выдержать выстрел из «универсала».

Точно такой же уник носил и Грымов, хотя цвета предпочитал другие, более тёмные, с искрой.

Через несколько минут метро межпланетных линий доставило их на Землю, в Минск, где их ждал неприметный «Форд-такси» местного воздушного парка с чёрными шашечками на борту. В его кабине уже сидел пассажир, но это был человек Грымова, и, поздоровавшись, он освободил кабину, пересев в стоящий на пятачке аэропаркинга возле пилона минского метро такой же каплевидный простенький с виду аппарат.

⁷ Императив спецслужб «внезапно возникающая угроза».

– Сопровождение, – пояснил Грымов, пропуская шефа вперёд. – Эшелон прикрытия уже в процессе.

Воеводин кивнул. В оперативности помощника он не сомневался. Несмотря на молодость – Ивану стукнуло тридцать лет, – он проявил себя блестящим аналитиком и креативно мыслящим человеком.

Минский регион ласкало тихое, безмятежное, раннее утро. Воздух был прозрачен, прохладен и чист.

Пассажиров у метро было мало, хотя их поток постепенно рос и должен был достичь пика к девяти часам.

Такси взлетело, направляясь к окраине мегаполиса, и вскоре нырнуло к жилой башне комплекса, издали действительно напоминавшего корабль с алыми парусами.

Воеводин вылез, отметив опытным взглядом присутствие двух аэрокаров «ауди»-класса, принадлежащих группе обеспечения «эшелона» – системы контроля и защиты особо важных персон, к которым теперь присоединился Всеволод Шапиро, сам того не зная.

Спустились с крыши здания на десятый горизонт, где располагались жилые модули эконом-класса.

– Всё тихо, – сказал Грымов, – горизонт в пределах уха-глаза чист.

Это означало, что ни за ними, ни за жилым комплексом не велось тайное наблюдение, и Воеводин только кивнул, не ожидая иного результата.

Квартиры эконом-класса не имели индивидуального выхода к лифтам, их объединяли петлистые коридорчики с прозрачной стеной слева или справа.

Нашли псевдоракушечную дверь с номером 330.

Грымов приложил палец к кнопке домофона.

С минуту за дверью было тихо, никто не подходил и не спрашивал, кто звонит. Наконец из скрытого динамика раздался хрипловатый басовитый голос:

– Кого там несёт в такую рань?

Контрразведчики переглянулись.

– Полиция, – проговорил Грымов строго, – у вас сработала сигнализация, мы хотели бы убедиться, что с вами всё в порядке.

Воеводин вопросительно поднял брови, помощник ответил кивком, отвечая утвердительно на немой вопрос: квартира на сигнализации?

– Какого дьявола? Я сплю, у меня всё нормально.

– Разрешите проверить? Сами же потом будете жаловаться на нашу нерасторопность.

Раздалось ворчание, треск, через минуту дверь приоткрылась, натянув три защитные штанги.

– Ну, я хозяин, убедились?

Воеводин разглядел в щели заспанное мужское лицо, вихор седых волос, достал красночёрный кругляш опознавателя, протянул хозяину квартиры.

– Всеволод, ты или спишь, или у тебя ранний склероз. Не узнал?

Кругляш высветил над собой голографическую структуру, в которой сплелись данные Воеводина (генерал контрразведки и всё прочее) и его портрет.

– Ах ты, мать честная! – пробормотал Шапиро. – Степан...

– Не продолжай, соня, – не дал ему закончить фразу Воеводин, – это не для чужих ушей. Впустишь нас? Есть разговор.

Защитные штанги щёлкнули, размыкаясь, дверь открылась.

– Извините, я оденусь, – не смутился Шапиро, вернул кругляш и рысцой побежал в одну из комнат. – Проходите в кабинет.

Воеводин, впервые попавший к учёному, с интересом заглянул в комнату слева, оказавшуюся гостиной.

Впрочем, в данном случае это скорее была библиотека старинных книг и одновременно лаборатория. Судя по отсутствию уюта и небранности помещения, жил физик один, без женщины. Хотя Грымов утверждал, что у него есть пассия.

Иван достал из кармана необычной формы перстень, надел на палец, поднял руку над головой и быстро обошёл все комнаты модуля. Вернулся в крохотную прихожую, снял перстень СОМа, называемый сотрудниками спецслужб «дятлом».

– Всё чисто.

Появился Шапиро, одетый в зелёный шёлковый халат с красными драконами.

– Идёмте, обувь можете не снимать.

Прошли в кабинет, мало чем отличавшийся от гостиной, не считая размеров. Здесь тоже наличествовали книжные полки, по углам прятались коробки разного размера, стол был загромождён какой-то сложной аппаратурой, сбоку от него светился в воздухе метрового размера виом, внутри которого мерцала длинная инженерная конструкция, напоминавшая ферму моста.

Воздух в комнате был насыщен смесью запахов, больше присущих какому-нибудь заводу, чем жилому помещению.

Грымов косо глянул на шефа, указав глазами на «ферму моста»: это было схематичное изображение Суперструнника.

Шапиро заметил обмен взглядами, выключил виом, сбросил с диванчика у стены какие-то пакеты и проволоочные геометрические фигуры.

– Присаживайтесь.

Гости сели.

Физик устроился в кресле, повернув его к диванчику.

– Что привело ко мне столь значимых деятелей контрразведки?

Гости молча принялись разглядывать учёного, работающего в Минском физтехе, известном тем, что в его стенах родилась Теория Великого Объединения, гордо называемая самими физиками «Теорией Всего». В институте в своё время работал и главный идеолог Суперструнника Фердинанд Херциг, оказавшийся впоследствии эмиссаром Знающих-Дорогу.

Молчание затянулось.

Грымов ждал инициативы шефа, Воеводин же, давно не встречавшийся с физиком, хотя в своё время они сдружились и были на «ты», не спешил начинать разговор, копя впечатления.

Шапиро почувствовал неловкость, перекинул ногу на ногу.

– Слушаю вас.

– Хорошо выглядишь, – сказал Воеводин.

Шапиро фыркнул, обретая потерянную уверенность.

– Когда ваши друзья начинают удивляться, как вы молодо выглядите, это верный признак того, что вы постарели. Я просто стараюсь поддерживать форму, а в молодости недурно играл в теннис.

– Вы живёте один? – вежливо поинтересовался Грымов.

Шапиро снова фыркнул, взметнул роскошные седые волосы, как ни странно, молодившие его.

– Вам ли не знать? Жена ушла два года назад, Кармен... бывшая ученица, так сказать, приходит редко. Может, не будем кружить вокруг да около? Ваш сотрудник беседовал со мной, такой азартный молодой человек, так он сразу выбрал верный тон. Говорите по существу.

– Извини, ты прав, – согласился Воеводин. – Не будем тянуть кота за хвост. Ты очень помог нам в своё время разобраться с Суперструнником, пришла нужда снова обратиться к тебе за консультацией. Только прошу о нашем разговоре...

– Ну, разумеется, – фыркнул Шапиро в третий раз, – никому ни слова, шаг влево, шаг вправо, тайна стоит жизни, не так ли?

– Твоей жизни, – невозмутимо подчеркнул Воеводин.

Его тон подействовал, физик присмирел, перестал язвительно ухмыляться.

– Ты так убедителен.

– Жизнь гораздо убедительнее меня. Вряд ли я открою секрет, что работа Суперструнника контролировалась... м-м, скажем так, плохими инопланетными парнями, которые готовы были ликвидировать любую утечку информации об их деятельности. И хотя эксперимент давно закончен, есть предположения, что эти парни ушли из Системы. А ты являешься одной из возможных утечек. Вопросы есть?

Шапиро покачал головой, в его глазах прыгали иронические огоньки, словно он не верил ни единому слову собеседника, однако сомнения свои высказывать вслух не стал.

– Разве мы не выиграли?

– Какое-то время нам казалось, что выиграли, теперь так не кажется. Появились новые обстоятельства. Прочитай, пожалуйста. – Воеводин передал физику иголку флэшки.

– Что это? – любопытствовал Шапиро.

– Читай, читай.

Физик повернул кресло, воткнул флэш-блок в гнездо на столе.

– Марк, разверни.

Слева от стола бесшумно сформировался видеообъём монитора, заполнился серебристым туманом. В этом тумане возник белый квадратик, развернулся в полосу «бумаги» с крупным текстом.

– Живущим в Пыльном Хвосте: предупреждение... – начал вслух читать Шапиро, умолк. Возникла пауза.

Через несколько секунд физик повернулся к гостям. Вид у него был задумчиво-отрешённый.

– Суперструнник... Суперструнник... я так и думал.

– О чём вы думали? – вкрадчиво спросил Грымов.

Шапиро пожевал губами, не отвечая, ушёл мыслями в себя.

Грымов и Воеводин переглянулись.

– Мы видели у вас в мониторе схему Суперструнника, – сказал Грымов. – Это заставка или тема работы?

– Я тут сделал кое-какой анализ... – очнулся Шапиро. – Нет, конечно, я работаю в других областях науки, Суперструнник, образно говоря, нечто вроде хобби.

– И какой анализ вы сделали? В двух словах, если можно.

– В двух словах не получится.

– У нас есть время.

Шапиро оглянулся на виом с текстом сообщения.

– Как же всё взаимосвязано... теперь многое становится понятным.

Гости терпеливо ждали продолжения.

Шапиро взъерошил волосы на затылке, потёр руки, находясь в возбуждённом состоянии, кинул на контрразведчиков пламенный взгляд.

– Я вам ничего не предложил, господа, есть повод глотнуть вискарика. Или коньячку, если предпочитаете, у меня хороший, армянский, восьмизвёздочный.

– Спасибо, мы на службе, – отказался Грымов, покосившись на шефа.

– А я, пожалуй, сделаю глоточек, если не возражаете. – Шапиро подхватился с разлапистого кресла, торопливо удалился и вскоре вернулся со стеклянным стаканчиком и бутылкой «Арарата» в одной руке и блюдечком с ломтиками лимона в другой. Плеснул в стаканчик, выпил. Глаза его заблестели ещё ярче.

– Ну-с, слушаю вас.

– Это мы вас слушаем.

Шапиро сделал ещё глоток, пососал дольку лимона.

– Когда вы получили предупреждение и от кого?

– Получили недавно, расшифровали только что. Сообщение пришло от магелланцев.

– Магелланцы, магелланцы... те, что отказались с нами контактировать. Странно, что они вдруг обеспокоились. Как всё странно увязывается, однако. Итак, вам придётся выслушать мои бредни, раз уж пришли. Сначала о Суперклизме... э-э...

– Не стесняйся в выражениях, – понимающе усмехнулся Воеводин. – Как только Суперструнник не называли.

– Даже Большим Х... э-э, мужским членом, – добавил Грымов.

Шапиро не отреагировал на замечание, в глазах его пылал священный огонь исследовательского фанатизма.

– Я проанализировал эксперимент с Супер... струнником, учитывая все известные мне конструктивные доработки. Сейчас покажу. – Он сделал движение к столу.

– Не надо, мы хорошо представляем, о чём идёт речь.

– Так вот, Суперструнник бросил **не одну** «струну», а две! Одна попала точнёхонько по Аттрактору Крестовского...

– По Оси Зла, – уточнил Грымов.

Шапиро поморщился, помахал рукой, налил себе ещё коньяку, сделал глоток, заел лимоном.

– Никакая это не Ось Зла! Точнее, Осью Зла с двадцать первого века назывался другой феномен. Тогда обнаружили, что холодные и тёплые области космоса располагаются на небесной сфере не случайным образом, а группируются в узкую длинную структуру, названную сдурю Осью Зла.

– Мы в курсе, – мягко сказал Воеводин. – Мне кажется, Аттрактор Крестовского с его ста одиннадцатью звёздами имеет гораздо больше прав называться Осью Зла.

– Тут я с тобой соглашусь. В Омеге Кентавра, где он торчал как гвоздь в заднице, началась после взрыва звёзд ударная трансформация континуума.

– А с виду ничего не изменилось, – с лукавой наивностью сказал Грымов.

– С виду! – раскипятился Шапиро. – Свет от Омеги к нам идёт семнадцать тысяч лет! К счастью, кто-то из наших даль-разведчиков догадался оставить в том районе пару бакенов с аппаратурой, снабжённых «струнной» связью, мне случайно удалось отловить их депеши в астрофизический центр. Извините, я на секунду.

Шапиро вышел, пошатываясь, захватив коньяк.

Грымов и Воеводин посмотрели друг на друга.

– Это мы удачно зашли, – хладнокровно сказал Степан Фомич. – Я не ожидал, что он интересуется такими проблемами. Интересно, об этом его хобби с Суперклизмой кто-нибудь знает? Делился он своими умозаключениями с коллегами в институте?

– Выясним, – пообещал Грымов.

Хозяин вернулся через три минуты, уже без коньяка, явно прибодрённый.

– Прошу прощения, умылся наконец. Продолжим. Бакен, кстати, передавший сообщение от Омеги Кентавра, замолчал, что подтверждает мои выводы. Что же там произошло? А вот что. Неравновесная система из ста одиннадцати звёзд, соединённая «струной чёрных минидыр», взорвалась, образно говоря.

– Почему образно? – не понял Грымов. – Она вообще взорвалась, физически.

– Взрывом этот процесс распада системы назвать трудно, хотя другого термина не подберёшь. Произошёл двойной скачок плотности в ядрах звёзд, породивший очаги рождения так называемых экзотических частиц – вимпов, нейтралино, «голых» кварков и глюонов. Эта жуткая плазма образовала зоны колебаний мерности пространства, и по скоплению теперь рас-

пространяется волна фазовой перестройки вакуума. Отчего и замолчал бакен. И скорость её распространения гораздо выше скорости света.

– Любопытно, – сказал Воеводин.

– Любопытно?! – вскричал Шапиро. – Грандиозно! Феноменально! Я начал считать, чем это всё может закончиться, и пришёл к выводу, что там, в скоплении Кентавра, образовалась гигантская «дыра», кстати, третья по счёту, уходящая за пределы нашей Метагалактики. Вполне возможно, это самый настоящий «зародыш» иной Метавселенной. Понимаете, о чём речь?

Грымов бросил затуманенный взгляд на Воеводина.

– ЗД...

– Добились своего, – закончил Воеводин.

– Но тогда парни из МККЗ просчитались? Или они... заодно?

– Мало того, – не обратил Шапиро внимания на реплики контрразведчиков, – судя по сообщению магелланцев, «струна» Суперструнника нашла ещё один аттрактор вне Галактики, а именно – второй Аттрактор Крестовского, получивший название Стена. Некоторые астрофизики утверждают, что это видна «стенка домена», но я не верю. Именно в эту Стену и воткнулась «струна».

– Не может быть, – недоверчиво возразил Грымов. – Суперструнник выдал векторную «струну».

– Ошибаетесь! Я тщательно изучил конструкцию Суперструнника, – Шапиро повернулся к столу, что-то сделал, и виом инка показал знакомую «ферму моста». – Видите «рога» на торце справа? Это дополнительные резонансные контуры, развернувшие «струну» в обе стороны. В первоначальном проекте их не было, они появились потом. На них обратил внимание ещё ваш сотрудник... как же его... Руслан...

– Горюнов.

– Точно, Руслан Горюнов, весьма способный парень. Вот о чём предупреждали магелланцы: «струна» возбудила «стенку домена» и проделала в ней «дыру». Третью.

– Почему третью?

– Первая находится за три миллиарда световых лет от нас, между созвездиями Гидры и Кентавра, куда уже шесть миллиардов лет несёт «тёмный поток» – почти полторы тысячи галактик. Вторую проделал в Омеге Кентавра Суперструнник. И он же пробил вторым концом «струны» третью «дыру» – в «стенке домена», которая тоже находится на приличном расстоянии от нас.

Наступило молчание. Шапиро смотрел на гостей с отеческим превосходством. Гости обдумывали услышанное.

Грымов встрепнулся.

– Чёрт возьми!

– Не возьму, – пошутил, усмехаясь, Шапиро, хрустнул пальцами. – Вы подкинули мне весьма занимательную задачу, будет над чем поразмышлять.

– Ты заговорил о «тёмном потоке», – вкрадчиво напомнил Воеводин.

– Ну, это давняя история, – пожал плечами физик. – Вам должно быть известно, что Большая Вселенная напоминает собой кипящую «пену», каждый пузырёк которой «дышит», то расширяется, то схлопывается в сингулярность. Наша Метагалактика всего лишь один из таких пузырьков, до сих пор расширяющийся. «Тёмный поток» – то есть струя из тысячи четырёхсот галактик – движется к «дыре», которая, по-видимому, соединяет наш пузырёк с соседним, нашу Метавселенную с другой. Возможно, не напрямую, а через бифуркацию измерений.

– Поясни.

– В нашем континууме развёрнуты всего четыре измерения, остальные компактифицированы, то есть свёрнуты в микростринги и не наблюдаются, не участвуют в физических про-

цессах. Так вот мерность пространства в созданной Знающими «дыре» меняется, либо падает, либо растёт, им удалось создать условия для их развёртки, но главное, что рост мерности воздействует на наш континуум таким образом, что возникает течение времени-пространства, струя к «дыре», захватившая и галактики «тёмного потока». Об этом давно говорят астрофизики, я лишь повторяю известные гипотезы. Слетать бы туда, посмотреть на «дырку» вблизи, да у нас пока нет таких возможностей.

Воеводин поймал косой взгляд Грымова, но не стал разубеждать собеседника в обратном. У них появились возможности – спейсер «Ра», официально списанный после возвращения от Оси Зла и демонтированный. На самом деле космолёт был восстановлен, снабжён новой инконикой и совершенным генератором движения, позволявшим ему, по заверениям специалистов, достичь «конца света».

– Чего нам ждать? – тихо спросил Воеводин. – Что такое Бомба Хаоса?

– Вероятно, имеется в виду некая область пространства с необычными свойствами, где энтропия почти мгновенно достигает максимума.

Контрразведчики продолжали смотреть на физика, как прилежные ученики на учителя, и он, усмехнувшись, развёл руками.

– Простите за псевдонаучный бред, это всего лишь мои измышления. Хотя теоретически создать такое облако можно, и оно в самом деле может довести до полного распада любую материальную структуру.

– Каким образом это облако можно доставить к Земле?

– А на этот вопрос я не отвечу, увольте. Вообще не понимаю, кому это нужно – уничтожать целые цивилизации только за то, что их представители увидели необычное явление.

– Зато мы понимаем, – обронил Грымов.

– Объясните.

– Выйдя на просторы Галактики, человек, увы, не приобрёл друзей, – покачал головой Воеводин. – Иначе мы давно дружили бы с кем-нибудь. Однако ни Орилоух, ни Маат, ни Магеллан, ни Великое Кольцо в центре Галактики контактировать с нами не спешат. Мало того что они не хотят с нами разговаривать, они даже не подпускают нас к себе.

– Значит, мы плохо себя зарекомендовали.

– Возможно, но факт остаётся фактом. Ясно, что нашим Суперструнником воспользовались чужие, Вирус, как ты его величаешь, умело встроив ускоритель в процесс решения собственных задач. Теперь получается, что мы лишние на этом празднике жизни, и нас необходимо ликвидировать.

– Наверно, они боятся, что мы помешаем им в дальнейшем? – предположил Грымов.

– Я не философ, – поджал губы Шапиро, – я физик. Поговорите со специалистами вашего Комкона, там много теоретиков-космопсихологов.

– А если мы откроем тебе все наши базы данных? – медленно проговорил Воеводин. – Выведем на материалы для служебного пользования... сможешь помочь?

– Я же говорю, я не... – Шапиро встретил взгляд руководителя «Сокола», замолчал, пожевал губами, криво улыбнулся, крикнул. – Чёрт, как вы умеете уговаривать!

– Я не чёрт, – возразил Воеводин.

– Допустим, мне интересно... что я должен делать?

– Только сначала мы подпишем меморандум сохранения тайны, – сказал Грымов.

– Без проблем! – поднял ладони Шапиро. – Я не болтлив, можете быть спокойны.

– У вас есть «вшинник»?

– Что?

– Пси-защитник, – пояснил Воеводин ворчливо, бросив косой взгляд на помощника.

– Ах, это... нет, мне он без надобности.

– Придётся вшить имплант.

– Зачем?

– По-моему, ты до сих пор не представляешь, насколько опасен наш противник. Если он с лёгкостью убирает целые цивилизации, то убрать одного человека для него – раз плюнуть.

Лицо Шапиро изменилось.

– Ты... так считаешь?

– После схватки с ЗД-Вирусом на Суперструннике мы обязаны предусмотреть все варианты, – сказал Грымов, посмотрел на спутника.

– Погибли восемнадцать наших парней, – сухо закончил Воеводин. – Профессионалов контрразведки и службы безопасности. Не считая других людей, попавших в переделку случайно.

– Я... я не знал...

– Теперь знаешь. Если для тебя такой риск непомерен, можешь отказаться работать с нами.

Глаза Шапиро вспыхнули, он с силой потёр ладонь о ладонь.

– Ну уж нет, мои дорогие, мне доставит большое удовольствие потягаться с этими вашим Вирусом!

Контрразведчики дружно встали.

– Тогда разреши откланяться. Мой помощник будет поддерживать с тобой связь. Надеюсь, мы добьёмся успеха.

Шапиро пожал обоим руки, проводил гостей до двери.

– Всего самого доброго. Никогда не думал, честно говоря, стать вашим сексотом. Где я – и где контрразведка?

– Важно сделать первый шаг, – проворчал Воеводин. – Мы тоже не родились контрразведчиками.

Дверь закрылась за ними.

Шагая к лифту, Воеводин сказал:

– Отвечаешь за него головой.

– Куда ж я денусь? – хмыкнул Грымов. – Нужен спец по особым поручениям, желательно не из нашего отобранного контингента.

– Горюнов.

– Я про него и подумал.

– У него допуск инспектора ФАК, может официально перемещаться куда угодно и посещать любые конторы.

– Понял.

Больше они о деле не разговаривали.

Глава 5

В поте лица

День двадцать первого июля начался со звонка начальника отдела, в котором работал Руслан.

Бывший муж Ярославы Влас Тихонов ушёл в отставку после инцидента на Суперструнике, и хотя Руслан не занял его место, всего лишь стал старшим инспектором, уход соперника его обрадовал. Терпения работать под началом «ошибки Ярославы» – как он называл этого чванливого и самоуверенного человека, у него не хватило бы.

– Бонжур, месье Горюнов, – сказал начальник отдела по-французски; его звали Люсьен Леблан, и он был французом до мозга костей.

Руслан почему-то ассоциировал его с известным литературным персонажем д'Артаньяном, хотя обликом он больше напоминал другого литературного героя – Сирано де Бержерака, блестяще описанного Эдмоном Ростаном⁸, и полагал, что Леблану следовало бы возглавлять школу фехтования, а не отдел космоконтроля ФАК.

– Бонжур, месье Леблан, – бодро ответил Руслан, стараясь не разглядывать выдающийся нос начальника. – Слушаю вас внимательно.

– Мы получили разрешение, – кивнул Леблан, перешёл на русский, которым владел вполне сносно, – проконтролировать лабораторию «Венус вивенди», принадлежащую датскому биоконцерну «ОЭ». Там сегодня собираются показать добровольца, ставшего первым Неуязвимым благодаря заменителям органов тела.

– Я в курсе, – сказал Руслан. – Но концерт ведь располагается не в космосе, насколько мне известно?

– Не имеет значения, нам доверили. Разрешение получено, все материалы по теме найдёте в сейфе Стратега.

Стратегом называли главный инк Агентства, способный работать сразу с сотнями специалистов, имеющих на это допуск.

– Вопросы?

– Нет вопросов! – вытянулся Руслан, сдвинув каблуки; он продолжал играть роль верного служачки закона, и это ему удавалось без особого труда.

– Действуйте.

– Слушаюсь!

– Полно, полно, месье, – расплылся в лукавой усмешке Леблан, – не разбейте лоб, вы всё время норовите отдалить чью-то мозоль, так что не переусердствуйте.

– Рад стараться, ваше благородие! – отчеканил Руслан.

Изображение Леблана растаяло. Что он думал о подчинённом, понять было трудно, но едва ли ценил его усердие и умственные способности.

Руслан расслабился, размышляя над заданием.

Ему в третий раз предлагали заняться инспектированием деятельности наземных фирм и производств, в то время как отдел специализировался на контроле космических поселений человечества, и над этим стоило задуматься.

Снова вспомнилось, что первое задание касалось инспекции двух частных производителей информационных услуг – «Самсунга» и «Нокии», сотрудничество которых закончилось кибервойной и едва не привело к войне настоящей.

⁸ Эржюль Совиньи Сирано де Бержерак (1619–1655) – французский поэт, сатирик, остролов и дуэлянт, лицо историческое.

Горюнову пришлось вызывать спецназ, за что впоследствии пришлось ответить, несмотря на доказанную необходимость этого шага, что признала и Федеральная служба безопасности. А Руслан получил по электронной почте угрожающее послание от неизвестного «доброжелателя», что тот оторвёт ему голову, если он снова встанет «между застоём и прогрессом».

Второй раз его послали в лабораторию немецкой фирмы «Проктор энд Гембл», испытывавшей «универсальную вакцину» от всех ныне существующих и прогнозируемых болезней.

Вакциной оказалась нанохирургическая программа, благодаря которой, по замыслу разработчиков, можно было уничтожать любой вирус в теле человека, любую инфекцию. «Нанохирург» – микрокибер размером с два десятка молекул – запускался внутрь и уничтожал вирусы, очищая кровь и поднимая тонус организма.

Руслан, ознакомившись с программой, заподозрил неладное, наложил вето на эксперименты на людях, но его не послушали и тайно провели опыт, что привело к рождению кошмарного злобного существа, сбежавшего из спецклиники и принявшегося охотиться на людей. Поймать и обезвредить его удалось с великим трудом.

Горюнова снова похвалили за предупреждение и правильные выводы, а он получил вторую эсэмэску, которая предлагала ему бежать с Земли подальше и не вмешиваться не в свои дела, в противном случае он тоже станет участником эксперимента, но уже в качестве подопытного.

– Интересно, какое послание меня ждёт после посещения «ОЭ»? – вслух проговорил он, начиная переодеваться в чёрно-белый уник официал-инспектора ФАК.

Головной офис и экспериментальный центр концерна «Оденс Эвентирпас» располагался на острове Фюн. Будучи в древнейшие времена местом поклонения верховному германо-скандинавскому богу Одину, остров впервые упоминался в хрониках девятьсот восемьдесят восьмого года. Столицей, то есть административным центром острова, стал город Оденсе, к двадцать четвёртому столетию занявший собой практически весь остров. Здесь, на берегу реки Оденсе-О, недалеко от старого причала (ему исполнилось шестьсот лет) и выстроил себе супернебоскрёб концерн «ОЭ».

Добравшись до Оденсе на метро, Руслан взял такси весёленького жёлтого колера – флайт «Рено» – и поднялся повыше в небо, чтобы приглядеться к урбанистическому европейскому пейзажу.

Башню концерна он увидел сразу. Её нельзя было не увидеть, так как более футуристического строения на острове не существовало.

Шесть изогнутых гофрированных труб, похожих на «щупальца», – иного слова не подберёшь, возносясь на сто метров, поддерживали четыре «этажерчатые» круглые башни разной высоты, собранные словно из глыб льда!

Основание башен издали казалось куполом медузы, полупрозрачным и льдистым, изогнутые края которого заканчивались бахромой каких-то конструкций. При полёте эта бахрома распалась на стекляннортутные решётки и спицы, скорее всего играющие роль антенн либо защитно-сторожевых устройств.

Руслан ещё не видел таких небоскрёбов, несмотря на богатый опыт рабочих полётов над всеми материками Земли, поэтому с интересом облетел здание концерна «ОЭ» кругом.

Его заметили. В кабине такси вспыхнул красный индикатор связь-регистратора.

– Флайт «Рено», бортовой номер сто двадцать, – заговорил мужской голос по-немецки, – сообщите адрес конечного пункта следования.

– Инспектор Федерального Агентства по контролю Руслан Горюнов, – спохватился Руслан, – допуск формата «красное золото». Следую для проведения инспекции.

– Вы в зоне контроля частного концессиума.

– Разрешение на финиш в зоне данного концессиума получено. – Руслан продиктовал код доступа. – Прошу сопровождения к причалу лаборатории «Венус вивенди». Меня ждут.

Повисла пауза.

Огонёк на панельке управления такси пожелтел.

– Допуск подтверждён, следуйте указателям.

Перед носом флайта возникло мигающее зелёное световое колечко, заскользило к башням концерна.

– За ним, – приказал Руслан.

Киб такси повиновался, получив подтверждение целеуказателя.

Башни приблизились, флайт свернул к одной из них, самой низкой и широкой.

Стало видно, что «глыбы льда» представляют собой этажи здания, отделённые друг от друга чёрными двухметровыми ажурными кольцами, играющими, очевидно, роль демпферов. Сочетание льдисто-голубого, чёрного, белого и серебристого оттенков было очень эффектным, и Руслан это оценил. Архитект-дизайнеры вписали весь комплекс в ландшафт острова весьма талантливо, если учесть стоящие вокруг фахверковые постройки шестнадцатого-семнадцатого веков, а также монастыри и церкви.

Такси спикировало на крышу башни.

Руслан вышел, и тотчас же рядом с ним сформировалась из воздуха очаровательная девушка-блондинка в короткой юбочке, напомнившая ему витса-посыльного, которым прикинулась Ярослава во время их последней встречи. Девушка, конечно же, представляла собой виф обслуживания, голографический фантом, поэтому обращать внимания на её «прелести» не стоило.

– Герр Горюнов? – ослепительно улыбнулась блондинка.

– Совершенно верно, – важно кивнул Руслан.

– Я вас провожу.

– Благодарю.

Девушка заскользила вперёд, перебирая ногами, как живой человек.

Руслан последовал за ней, отметив медленно пролетевший над башней каплевидный флайт «БМВ», блеснувший чёрным стеклом блистера. По-видимому, это был аппарат охраны здания.

Прозрачный лифт опустил гостя и сопровождающую на двенадцатый этаж башни, где она и растворилась в воздухе.

На сей раз у лифта его встретили живые люди: благообразный господин с длинными белыми волосами, одетый в ослепительно-белый летний костюм, и молодой человек, соединявший в себе черты мужчины и женщины, улыбавшийся так, будто Руслан являлся по крайней мере вице-президентом компании; это был трикстер, существо, олицетворяющее собой так называемый «третий пол».

«Трикстер», – сообщил Руслану терафим⁹ по имени Шустрый.

Терафим служил Руслану секретарём давно, его надо было бы заменить, но расставаться с ним не хотелось, как с живым человеком.

«Вижу, – ответил Руслан. – Чем он тебе не нравится?»

«Он излучает».

«В каком смысле?»

«В самом прямом: я чувствую слабый поток электромагнитного излучения в диапазоне «бэта».

«Что это означает?»

«Нас пытаются прощупать на предмет ношения оружия».

«Это нормально, фирма-то частная».

«Излучение мерцает, вероятно, ищут защиту».

⁹ **Терафим** – личный инк (интеллект-компьютер), играющий роль секретаря; вшивается как имплант под кожу головы либо носится под волосами.

«А вот это уже хуже, придётся напрягаться».

– Доброе утро, господин Горюнов, – пророкотал по-немецки владелец обесцвеченных волос. – Меня зовут Гюнтер Продль, я исполнительный директор концерна. Это мой помощник Гастон Фюме.

Трикстер поклонился.

– Разумеется, мы рады видеть вас в наших владениях, хотя я и не понимаю беспокойства Федерального Агентства по поводу наших экспериментов. У нас всё под контролем, все меры безопасности предприняты.

«Индюк», – оценил манеру Продля держаться Шустрый.

– Мне дано поручение, – сделал каменное лицо Руслан. – Прошу представить всю информацию о ваших разработках Неуязвимых.

– Неуязвимый пока один, – растянул губы в вежливой улыбке Гастон Фюме, отчего лицо его стало совсем женским. – Но мы надеемся, что он пройдет все испытания, и человечество получит идеального исследователя космоса.

При выходе из небольшого холла в коридор терафим снова напомнил:

«Нас просвечивают».

«Следи за нарастанием полей, – приказал Руслан. – Если это обычная предосторожность – нас оставят в покое, оружия я не ношу».

Поскольку никто из сопровождавших гостя не спросил, вооружен ли он, догадка имела под собой почву: инспектора провели через систему детекторов, определяющую наличие оружия. В противном случае его уже попросили бы сдать опасные «игрушки». Правда, в костюме Руслана были вмонтированы метатели наноробов разного назначения, но их система безопасности здания не уловила.

Прошли несколько дверей, выделяющихся по контуру световыми пунктирчиками. В толще стеклянной стены впереди протяял коридор, показавшийся зеркальным отражением первого, в нём возникло отверстие, превратившееся в дверь, и Руслан шагнул в зал вслед за провожатыми.

Зал больше всего напоминал отсек визинга космических кораблей.

Стены его и потолок были прозрачными настолько, что создавали эффект полного отсутствия, отчего казалось, что люди в нём, сидящие в креслах и стоящие рядом, находятся под открытым небом, на крыше здания.

Треть зала занимали низкие фарфорово-ртутные тумбы, усыпанные разноцветными огоньками.

Чуть дальше к краю располагались кресла количеством в два десятка. Несколько сидений было занято, возле крайнего ряда кресел стояла четвёрка мужчин и женщин, выделявшаяся служебными униками разной расцветки.

Руслана подвели к сотрудникам корпорации.

– Инспектор Федерального Агентства Горюнов, – представил его Продль.

Все четверо прервали беседу, с любопытством оглядели гостя, не спеша знакомиться.

Руслан поклонился, ощущая на себе кроме взглядов давление мысленного прощупывания. Кто-то из присутствующих в зале людей обладал экстрасенсорными способностями и пытался прочесть его мысли. Однако на этот случай у него имелся пси-защитник, который спокойно отбил выпад, заставив неизвестного пси-оператора «свернуться».

– Вы ни разу у нас не были? – проговорила по-немецки женщина с короткими рыжими волосами и сухим аскетичным лицом.

На рукаве её уник-мундира переливалась перламутром эмблема Европарламента.

– Фрау Лаура Мейтцнер, – представил её Продль, – главный управляющий концерном.

– Не был, – коротко ответил Руслан, стараясь выглядеть так же надменно.

– Надеюсь, вам у нас понравится, – равнодушно сказал сосед женщины, худой, с узким бледным лицом и горящими голубыми глазами религиозного фанатика.

– Герр Геншер, – осклабился Продль. – Заведующий лабораторией «Венус вивенди». Он сегодня попытается нас удивить, представив разработки лаборатории. Присядем, господа?

Фрау Мейтцнер кинула на Руслана скептически-оценивающий взгляд, заняла одно из кресел последнего ряда, не предложив Руслану сесть рядом. По-видимому, инспектор ФАК не произвёл на неё особого впечатления.

Впрочем, Руслан был только рад этому, он уже привык играть роль недалёкого человека, свято соблюдавшего инструкции Агентства, и менять поведение не хотел, поскольку его маска приносила хорошие плоды.

Сел он по соседству с Геншером.

– Начинаем, господа, – сказал завлаб.

– Э-э, я не понял, – спохватился Руслан. – А как же мы оценим... э-э, кондиции ваших «неуязвимых»? Они будут демонстрироваться здесь?

– Нет, конечно, – снисходительно улыбнулся Геншер. – Испытательный полигон располагается под землёй, в недрах острова. Поэтому нам ничего не грозит. Но мы все отлично увидим.

Этим своим «нам ничто не грозит» завлабораторией проговорился, эксперимент таил в себе опасность для окружающих, но Руслан не стал нагнетать обстановку.

Внезапно солнечный свет, льющийся в зал с неба, стал тускнеть, появились стены – в виде туманных вуалей, затем одна из стен напротив ряда кресел провалилась в темноту, и сквозь туман проступили очертания довольно мрачной пещеры, неровные стены которой отсверкивали кристалликами горных пород.

– Стилизация, – пояснил Геншер. – Мы решили создать испытательный полигон с условиями, приближенными к естественным.

Руслан хотел спросить, каким образом концерну «ОЭ» удалось убедить администрацию острова дать ему разрешение на обустройство подземного полигона, но передумал. Здесь, очевидно, как и везде в мире, всё решали деньги и чиновничьи связи.

Свет в искусственной пещере стал ярче, стены заискрились сильнее, рельефно заиграли выступавшие из пола складки и бугры. Один из бугров дал трещину и раскрылся, выпуская изнутри отсвечивающий глазурью цилиндр.

Послышался мягкий звон.

По цилиндру тоже зазмеилась трещина, открывшая взору... обыкновенного человека в спортивном трико алого цвета.

Геншер покосился на Руслана.

– Ну-с, герр инспектор, как он вам?

– Не впечатляет, – с нарочитым разочарованием признался Руслан. – Витс, что ли?

– Ни в коем случае, живой человек. Сейчас увидите. – Заведующий лабораторией щёлкнул пальцами.

Одна из ближайших каменных складок на дне пещеры раскрылась, выпуская трёх ловких молодых людей в чёрных комбинезонах ниндзя-фасона. Лица их были скрыты под масками, в руках они держали оружие, каждый своё: один – нож, второй – меч, третий – металлические палки, связанные цепью, – нунчаки.

– Первый этап, – гулко возвестил координатор испытаний.

«Ниндзя» дружно бросились на Неуязвимого, окружая его со всех сторон.

Он дождался первого удара: меч косо опустился ему на шею, но не снёс голову (Руслан внутренне напрягся), а лишь скользнул по коже, – и буквально исчез из поля зрения, превращаясь в тающий призрак.

Дважды зрители увидели, как в тело испытуемого вонзается нож (с тем же результатом), а на голову обрушивается металлическая палка: он демонстрировал способность тела держать удар. Затем меч вылетел из руки первого «ниндзя» и с лёгкостью снёс ему руку до плеча.

Руслан вздрогнул, с сомнением посмотрел на Геншера.

Тот успокаивающе покачал пальцем.

– Не беспокойтесь, господин инспектор, это всего лишь специально запрограммированные витсы.

Между тем схватка заканчивалась.

Неуязвимый выбил из рук нападавших нож и нунчаки, по очереди отрубил им руки по локоть, а затем и головы.

«Ниндзя» в картинных судорогах попадали на пол пещеры, словно были настоящими людьми. Однако никаких фонтанов крови не было видно, они и в самом деле являлись витсами, то есть специализированными техническими системами с довольно высоким интеллектом.

– Как видите, холодное оружие не причинило никакого вреда Неуязвимому, – с удовлетворением сказал Геншер, обращаясь к хозяйке концерна.

– Браво, – кисло оценила она.

– Костюм, – пробормотал Руслан.

– Костюм ни при чём, – возразил заведующий лабораторией. – Мы пошли по другому пути. Кожа Неуязвимого во время удара растягивается, мышцы расходятся, а потом выталкивают лезвие ножа или меча.

– Импланты?

– И никаких имплантов! Генная модификация структуры тканей с насыщением их особого рода наночастицами. Но всему своё время. Этап второй.

Юркие многолапые кибы утащили тела витсов.

Неуязвимый взобрался на бугор, принял картинную позу: ноги на ширине плеч, руки за спиной. Камера показала его лицо: правильные пропорции восточного типа, широкие скулы, усики, мощный подбородок, слегка надменная складка губ, чёрные глаза, полные презрительного спокойствия.

– Кто он? – спросил, оглянувшись на Геншера, один из гостей, сидящих впереди.

– Какая разница? – проворчал Продль.

– Он из провинции Хатай Османского султаната, – сказал Геншер. – Мухаммад Тургут. Отобран по конкурсу из двух тысяч кандидатов.

Руслан покопался в памяти, пытаясь сообразить, о какой провинции идёт речь.

«Юго-восточная провинция Турции», – подсказал Шустрый.

«Так он курд?»

«Либо турок».

В пещере, в полусотне метров от Неуязвимого, раскрылся ещё один скалистый холмик, выталкивая из себя круглую платформу с поручнями, весь объём которой занимали какие-то сложные механизмы. В кресле по центру платформы сидел человек, почти целиком скрытый коконом управления, в шлеме и с большими чёрными выпуклыми очками.

Прозвонил колокол.

Человек в кресле не сделал ни одного движения, но слева от него из блестящего дырчатого короба выросла лапа манипулятора, вынула из кобуры самый настоящий пистолет (Руслан видел такие только в музее) и сделала несколько выстрелов.

Из пяти выпущенных пуль три попали в цель. Было видно, как они впиваются в грудь Неуязвимого, заставляя его отшатываться, так что он в конце концов вынужден был спрыгнуть с бугра.

Другая камера показала, как пули, застрявшие в теле – в трико были видны круглые дырки, – начинают выходить из тела и падать на пол. Через несколько секунд все три пули оказались на полу.

Неуязвимый провёл ладонью по груди и животу, вскарабкался на холмик, принял прежнюю позу.

В зале визинга раздались жидкие хлопки.

Платформа с оборудованием «активного воздействия» отодвинулась к стене пещеры.

Лапа манипулятора вынула из-под турели грозного вида ружьё, в котором Руслан узнал ракетный карабин «дракон».

– Вы хотите... уничтожить испытателя?

По губам Геншера скользнула свойственная ему снисходительно-пренебрежительная усмешка; было в ней ещё что-то отталкивающее, но что именно, разбираться не хотелось.

– Мы дорожим своими испытателями, герр Горюнов.

«Дракон» выстрелил.

Пещеру пронизал короткий грохот.

Неуязвимый исчез... чтобы появиться в метре от того места, где он только что стоял.

Ракетная пуля карабина, способная пробивать танковую броню толщиной в двадцать сантиметров, врезалась в стену пещеры, пробивая в ней дыру величиной с кулак.

«Дракон» рывкнул ещё раз.

Неуязвимый сместился вправо.

Пуля коснулась его плеча, скрикошетирила и улетела в потолок, где также выбила приличную ямку в толще камня.

Вариативный виом, «отколовшийся» от основного объёма изображения, показал в замедленном темпе, как пуля калибра восемнадцать миллиметров, оставляя за собой спиралевидный след взбаламученного воздуха, касается плеча испытателя, оставляет на нём борозду, разрывая ткань трико, и улетает вверх.

Плечо приблизилось.

Стало видно, как вздувается багровая полоска, покрываясь капельками крови. Затем буквально на глазах полоска начала бледнеть, затягиваться, рубец уменьшился в размерах, ушёл в плечо.

Неуязвимый провёл ладонью по плечу, стирая кровь, и камера показала бледную царапину в месте попадания пули.

В зале послышались аплодисменты.

– Динамическая регенерация, – важно заметил Геншер. – Раны на теле Неуязвимого затягиваются за несколько секунд.

Руслан подумал, что он тоже может усилием воли регенерировать ткани тела, но промолчал.

– Этап три, – возвестил координатор испытаний.

«Дракон» спрятался в дырчатый кожух на платформе.

Вместо него лапа манипулятора вытащила современное оружие – «универсал», стреляющий как пулями любых модификаций, так и сгустками силового поля, способными расплющивать тела живых людей, а также технические устройства и летательные аппараты.

По пещере прокатился гул.

Невидимый гравитационный «гарпун» снёс Неуязвимого с вершины бугра и впечатал в стену с такой силой, что в ней образовалась вмятина. На пол посыпались осколки камня.

Зрители затаили дыхание.

Вариатор вырезал часть изображения, показал в замедленном темпе, как струя **вихрения** воздуха вонзается в тело испытателя и отбрасывает его к стене.

Неуязвимый, упавший лицом вниз после удара о стену, зашевелился, подтянул ноги к груди, медленно выпрямился... и неожиданно легко тряхнул головой.

Зрители разразились аплодисментами и криками:

– Браво!

– Великолепно!

– Изумительно!

– Как видите, наш парень действительно неуязвим, – небрежно сказал довольный Геншер. – Но это ещё не всё. Четвёртый этап – наноатака. Поскольку проникновение нанокилла в тело человеческий глаз увидеть не в состоянии, мы будем использовать специальную аппаратуру.

Оператор на платформе помахал рукой, обращаясь, очевидно, к испытателю.

Неуязвимый с невозмутимым лицом приблизился к платформе, встал на ровный чёрный квадрат в полу пещеры.

Вариатор показал его тело, ставшее полупрозрачным. Стали видны кости, кровеносные сосуды и ветвистая «поросль» нервной системы.

– Внимание! – проревел координатор. – Пуск!

Над краем платформы показался стеклянный конус в бахроме красивых геометрических фигур.

Один из виомов показал конус отдельно.

Острые конуса покрылось «сыпью» металлических иголок: генератор наноробов метнул невидимую «пулю».

Виом, показывающий прозрачное тело Неуязвимого, скачком увеличил изображение, и все увидели, как в его плечо проникает светящаяся красная стрелочка.

Ещё один скачок изображения: вена, куда проник заряд наноробов, превратилась в «ручей», «пуля» увеличилась до размеров настоящей пули, вскипела фонтанчиками, распадаясь на сотни более мелких шипов и острий.

Однако тотчас же на эти шипы бросились ежастые многолапые создания, начали рвать их на куски и выжигать пучками света.

Через несколько секунд от «пули» не осталось ни следа.

Виомы погасли.

Руслан невольно сглотнул. Он представлял себе, что происходит, когда нанокиллера уничтожает такой же микроорганизм, но видел процесс впервые.

Камера показала лицо Неуязвимого: он улыбался!

– Нанокилл уничтожен! – заявил Геншер. – В крови Мухаммада содержатся фагоцитные кластеры, играющие роль уничтожителей любых видов вирусов, в том числе – созданных на основе нанотехнологий. Вот почему эти супера неуязвимы!

Он не сказал – люди, он сказал – супера, и Руслан подумал, что человечество ждёт немало тревог, когда людям придётся столкнуться с «неуязвимыми», которых можно легко превратить в суперсолдат.

– Можно вопрос?

– Да, конечно.

– А импульс из «глушака» он выдержит?

Геншер приподнял уголок рта, всматриваясь в простодушное лицо Руслана, сделал паузу.

– «Глушаком» вы называете суггестор «удав»? От него существуют другие способы защиты, но мы предусмотрели и генетический способ, с переключением сознания. Однако сегодня демонстрировать пси-атаку не будем.

Изображение пещеры перед креслами исчезло.

Фрау Мейтцнер встала.

За ней дружно поднялись остальные зрители, окружили заведующего лабораторией и владелицу концерна, выражая свои восторги.

– Каковы впечатления, инспектор? – повернула к Руслану голову обладательница рыжих волос.

Руслан почувствовал порыв холодного ветра: экстрасенсорика отреагировала на гипнотический взгляд Мейтцнер. На виске «шевелинулся», возбуждаясь, паучок пси-защитника.

«Раппорт!» – вскинулся терафим.

«Чую», – ответил Руслан, гадая, кто его «приложил», сказал вслух:

– С этим надо серьёзно, сразу и не скажешь. Уж очень даже может быть опасным, как вам должно быть известно. Изучать будем.

– Что ж, изучайте, мне будет интересно ознакомиться с вашими выводами. Идёмте, господа.

Геншер, Мейтцнер и её свита гурьбой направились к выходу из зала.

К Руслану подошёл Продль.

– Понравилось? Надеюсь, вы оцените наши усилия.

– Мне понадобятся все материалы и анализ перспектив проекта, а также его негативных последствий.

– Негативных последствий нет, уверяю вас, а материалы мы вам передадим. Гастон, проводи господина Горюнова.

Трикстер сделал жест рукой, пропуская гостя вперёд.

Вышли в коридор, к лифту.

– Мы можем надеяться на положительную оценку вашего Агентства? – вкрадчиво осведомился Гастон Фюме.

– Изучим все «за» и «против», сделаем выводы, – веско ответил Руслан.

– Неуязвимые очень нужны человечеству. Бионасилие становится реальной угрозой, а они не боятся никаких вирусов и смогут заменить людей практически на всех опасных производствах.

Сели в лифт.

– На опасных производствах работают витсы и форги¹⁰. Пока я не понимаю, зачем потребовалось создавать «неуязвимых».

Лифт вынес гостя и сопровождающего на крышу башни.

Гастон Фюме сменил тему разговора.

– Говорят, вы очень придирчивый инспектор. Вас даже хотели убить.

Руслан внимательно посмотрел на молодого человека с безмятежным девичьим лицом. Однако марку «солдафона» надо было держать до конца, и он сказал:

– Не понимаю, о чём вы. Я стараюсь на благо... э-э, народа. Мы, работники ФАК, должны стараться, чтобы не было ошибок. Всем лечь на это и получить то, что мы должны иметь.

Гастон оценил мудрёную речь инспектора.

– Вы настоящий профессионал, герр Горюнов! Правильно ли я вас понял, что мы можем... м-м, договориться? Вы ведь хотите что-то иметь в результате... м-м, своих умозаключений?

Руслан сделал вид, что не понял намёка трикстера.

– Все мы хотим избежать проблем.

На крышу опустился вызванный флайт-такси «Форд»-класса.

– Говорят, ваш последний визит, – ещё более вкрадчиво проговорил Фюме, – в центр управления «Сферой» вызвал возмущение у руководства?

¹⁰ **Форги** – функционально-ориентированные искусственные организмы.

– Кто вам сказал? – брюзгливо осведомился Руслан, снова уловив холодный ток дистанционного пси-воздействия.

«Новый пси-раппорт», – ожил Шустрый.

– Мои друзья работают в этом центре, узнал от них.

Руслан сдвинул брови, отчеканил:

– Я действую строго в рамках закона и соблюдаю СРАМ!¹¹ Если кому-то что не нравится...

– О-о, герр Горюнов, – поднял руки Гастон ладонями вперёд, – я ничего плохого не имел в виду. Просто вы такой... правильный, а вокруг столько нехороших завистливых людей... я бы даже посоветовал вам быть осторожнее.

– Я учту ваш совет, – сухо бросил Руслан, усаживаясь в кабину такси. – Всех благ.

Блистер аппарата мягко чмокнул.

– К метро, – скомандовал Руслан.

Флайт взлетел, оставляя на крыше Гастона Фюме с задранной головой.

Интересно, подумал Руслан, намёки весьма прозрачны, это его собственная инициатива или кто-то сверху скомандовал пощупать инспектора ФАК и посмотреть на его реакцию? Скорее второе, сам господин Фюме вряд ли осмелится играть с представителем власти в кошки-мышки. Но откуда он знает о визите в ЦУП «Сферы»? «Друзья сообщили» – детский лепет на лужайке. Для этого «друзья» должны знать инспектора в лицо. Или Гастон Фюме – агент ЗД?

«Форд» приземлился у пилона метро.

Рядом сел ещё один такой же «Форд», но пассажир не торопился покидать его борт. И лишь когда Руслан направился к арке главного старт-входа метро, пассажир вылез и последовал за ним.

¹¹ СРАМ – инструкция для космолётчиков, аббревиатура слов «сведение риска к абсолютному минимуму».

Глава 6

Активация змеи

Ярослава не отвечала на вызовы, и Руслан расстроился, потому как запланировал «тихий домашний вечер в саду»: позвонил отец, сказал, что они с мамой летят в Новую Зеландию к друзьям на встречу одноклассников, и квартира их в Корсуни дня четыре оставалась в распоряжении сына. Однако мечтам Руслана не суждено было сбыться, поэтому он решил после очередного похода по заданию начальника отдела навестить своих друзей детства. Один из них – Саша Зуб, давно приглашал его к себе в Брянск.

Вечером двадцать второго июля, вернувшись из Магадана, где недавно запустили новый развлекательный центр «Чукчара», Руслан позвонил другу детства.

Саша, худой, жилистый, загорелый, с выбритой наголо головой, появился перед ним в одних шортах; система связи Руслана была оборудована дгабом¹², поэтому казалось, что собеседник – живой человек.

– Привет, Русик! – обрадовался Саша, протягивая руку. – Неужели созрел?

Руслан, улыбаясь, «пожал» ему руку: его дгаб обладал эйдозэффектом и позволял ощущать «живое» прикосновение абонента.

– Я один, решил потрепаться, тоска заела.

– Так приезжай, – пригласил Саша. – Я тоже один, Маринка улетела в Сирию на раскопки.

– Зачем? Она же не археолог.

– Ну, она эзолингвист, расшифровывает древние письмена, а в Сирии недавно нашли древнейшее поселение, ему шесть тысяч лет.

– Круто. Кто нашёл?

– Существует спутниковая археология – поиск, идентификация и воссоздание затерянных городов на Земле, да и не только на Земле. На Луне и на Марсе их тоже нашли немало, не слышал?

– Почему же, космические археологи давно рыщут по планетам, что-то находят, это нам ещё в школе рассказывали. А Сирия при чём?

– Там в районе Тилль-Бирака совсем недавно изучали антрозоли – антропогенные почвы – и наткнулись на следы поселения. Подвесили над Сирией спутник, и тот обнаружил скрытый горными породами город. Кстати, если интересно, можем махнуть туда, Маринка нас встретит.

– Я подумаю. Хотя шесть тысяч лет – не предел, – махнул рукой Руслан. – У нас в Зауралье раскопали Страну Городов, вокруг Аркаима и севернее, которая существовала не меньше десяти-двенадцати тысяч лет назад, задолго до возникновения культур Европы. Гиперборея строили, покинувшие свой тонущий северный материк.

– Значит, не поедём?

– Давай лучше соберём ребят, посидим, давно не встречались.

– Я с Сашкой Вавиным разговаривал недавно, он к себе в Жуковку приглашал. С Толяном созванивался, с Гришкой, обе Райки звонили. А что, давай организуем уик-энд, я займусь, – загорелся Зуб.

– Отлично, звони, я присоединюсь.

Фигура Саши растаяла. Он был человеком дела и не любил долго рассусоливать на одну тему.

Настроение улучшилось. Руслан почувствовал душевный подъём. Захотелось увидеть ставшие родными лица одноклассников, с которыми он не так уж и давно учился в школе

¹² **Дгаб** – аппаратура, воспроизводящая динамическое голографическое изображение абонента.

первого цикла. Несмотря на принятое во всём мире виртуальное обучение, в России сохранился институт **живых** учителей, встречающихся со школьниками не в объёме компьютера, а реально, в специальных классах, и эта мода с недавних пор начала распространяться по всему миру: занятия с живым учителем в процессе живого общения с другими учениками позволяли детям активнее проявлять свои творческие способности и поднимали интерес к общению «в контакте», что уже две сотни лет было утеряно человечеством в связи с переходом на интернет-связь и новые видеотехнологии.

Размышляя, идти ли в кафе или поужинать дома, Руслан подсел к вириалу инка, собираясь послушать вечерние новости, и в это время мурлыкнул домофон.

В душе шевельнулась надежда: вдруг Яра?!

– Включи, – скомандовал он домовому.

Над столом сформировался виом домофона.

На Руслана посмотрел молодой человек приятной наружности, одетый в летний лайт-костюм, какие носили практически все жители Земли летом: голубая рубашка-апаш, с карманчиками и короткими рукавами, серые, с голубой искрой, штаны, кросстуфли с дырочками. Никаких крикливых **навесок**, блях, ремней, опознавательных знаков и украшений молодой человек не носил, что говорило о его скромности либо об уме. Выделяться или, как выражалась нынешняя молодёжь, **выламываться** он явно не жаждал. Однако Руслан затормозил не от этого: гость был непростой, к нему заявился сам Иван Грымов, полковник контрразведки, помощник Воеводина.

– Разреши войти?

– Извини, конечно, входи, – спохватился Руслан, касаясь сенсора домофонного блокиратора, запирающего входную дверь секции.

Грымов появился на пороге квартиры через две минуты.

– Не ждал, – признался Руслан виновато. – Мы могли разойтись, я собрался ужинать в кафе. Что случилось?

– «Ползучая змея».

Руслан подобрался.

– В связи с чем?

– Сядем поговорим?

– Проходи в гостиную, я сейчас.

Грымов уже бывал в доме Горюнова год назад, поэтому проследовал в крохотную гостиную без колебаний. Когда Руслан появился в комнате, переодетый в обычный уник, гость спросил невозмутимо:

– Кого-то ждёшь?

– Нет.

– Первый раз вижу у тебя порядок.

– Жена навела.

– Жена?

– Можно подумать, что ты не знаешь о наших встречах, – смутился Руслан, торопливо добавил: – Мы шифруемся.

– Надеюсь. С чем работаешь?

– Вчера был на испытаниях первого Неуязвимого. – Руслан рассказал о своём посещении офисного центра концерна «ОЭ». – Сегодня вернулся из Магадана. А до этого сутки провёл в центре управления «Сферой». Доверили разобраться с заявлением коллектива «Сферы» о шатающихся по территории комплекса девицах. Вообще складывается впечатление, что меня гоняют по совершенно непрофильным для отдела зонам контроля, в крайнем случае – второстепенным.

– Ну-ка расскажи подробнее о «Сфере».

- Минуту, кофе будешь?
- Лучше чего-нибудь холодненького.
- Мокочинче.
- Что?
- Боливийский абрикосовый морс.
- Ни разу не пробовал.

Руслан принёс из холодильника графин морса, налил гостю и себе, поделился своим видением ситуации в центре управления глобальной системы телескопов.

– Я этого не знал, – покачал головой Грымов. – Сообщу шефу, проанализируем.

– Может, ЗД снова что-то скрывают в космосе, как в своё время они скрывали Ось Зла, и не хотят, чтобы мы увидели?

– Шапиро утверждает, что мы просчитались с Суперструнником. Если он прав, нужно ждать активизации агентов Вируса.

– Я хочу слетать на Луну ещё разок.

– Сначала обсудим ситуацию с Воеводиным.

– Как скажете, баба с возу – кобыле легче. В чём причина мобилизации?

– Появились новые и очень тревожные данные. Знающие-Дорогу не бросили своё занятие и по-прежнему нацелены на жёсткое ограничение наших действий. Мы получили сообщение от магелланцев. – Грымов на память прочитал расшифрованное послание. – Вот почему мы поспешили ввести «ползучую змею».

– Они-то чего испугались? – хмыкнул Руслан.

– Кто?

– Магелланцы.

– Возможно, посчитали угрозу очень серьёзной, настолько серьёзной, что решили подстраховаться и предупредить ближайших соседей. Кто-то же уничтожил цивилизацию возле Стены Крестовского? Вот магелланцы и отреагировали.

– Странно, что они решили предупредить именно нас. Хотят подставить?

– В смысле?

Шутка есть такая: если тебя ударили по лицу, подставь другое.

– Это наша, чисто человеческая шутка, а магелланцы негуманоиды, у них своя логика и свои резоны.

– Всё равно их реакция близка к смыслу шутки. Они наверняка знали о вмешательстве ЗД в наши дела, почему не помогли, не предупредили?

– Говорю же, у них своя логика, нам недоступная. Короче, мы на «змее» со всеми вытекающими, начинаем работать тихо, но активно, подключили Шапиро, он поможет разобраться с аномальными явлениями в космосе. Будешь поддерживать с ним связь. Теперь вопрос: откуда нам ждать удара? И что такое Бомба Хаоса?

– БОХ, – задумчиво сказал Руслан.

– Что?

– Аббревиатура слов Бомба Хаоса – БОХ. Почти БОГ. Не нравится?

– Пусть будет БОХ, не имеет значения. Есть идеи?

– Знать бы, что это такое...

– Всё, что угодно: астероид из антивещества, к примеру, сгусток какого-то неизвестного науке поля, кластер наночастиц. Допустим, это астероид, что бы ты предпринял?

Руслан поскрёб в затылке.

– Астероид можно перехватить. Вообще Солнечная система просматривается насквозь, мы увидим приближение любого материального тела ещё до орбиты Нептуна.

– Хорошо, это не астероид, сгусток поля с неизвестными характеристиками. Каким образом его можно доставить к Земле?

- Зачем его доставлять? Выстрелил – и жди результата.
- Сгустки полей имеют конечную скорость – скорость света, это тебе не «струна». Их тоже можно перехватить.
- Спейсер...
- Спейсер – то же самое материальное тело, его мы обнаружим.
- А если он выйдет из состояния «струны» прямо в атмосфере Земли? Насколько я в курсе, мы ещё не научились перехватывать «струны», пока это могут делать только магелланцы.
- Эксперименты по «струнной локации» уже идут. По нашим данным, московские физтеховцы создали аппаратуру фиксации «судорог пространства» при переходе спейсеров в режим «струны». Ладно, это всё необязательные разговоры. Что поведала Ярослава?
- Ничего, её бывшие информаторы из МККЗ молчат, и это по крайней мере странно. Они не видят новой угрозы? Посчитали дело сделанным? Я даже подумал, а не заодно ли они с Вирусом?
- Мы тоже подумали об этом. Возможно, мы не всё учли при анализе последствий контакта с МККЗ, не говоря уже о Знающих-Дорогу. Судя по депеше магелланцев, уничтожаются все, кто может помешать замыслам Вируса, он свои планы «почистить нашу Вселенную» не оставил.
- Что я должен делать?
- Депеша из Магеллана получена месяц назад.
- Ты же говорил – только что.
- Её расшифровали только что, да и Комкон делал всё в тайне, даже мы ничего не знали о послании. За месяц Вирус мог оплести паутиной агентуры все тревожные службы и властные структуры. Тебе придётся заняться поиском зомбированных.
- Каким образом? – удивился Руслан.
- В прошлом веке была создана программа оценки адекватности любого человека, с её помощью медики нынче определяют стадии шизоидности у больных на голову и лечат людей, получивших мозговые травмы. Наши специалисты слегка подкорректировали эту программу, и мы собираемся её апробировать. Не возражаешь?
- Руслан выдержал прямое попадание испытующего взгляда Грымова, помолчал.
- Вы уверены в действенности этого метода?
- Программа проверена и работает, мы называли её «эол». Проще всего её можно подсоединить к защитнику с ответом на менто или к терафиму, если объём его памяти достаточен. Дело за массовым применением. Кроме тебя зомби-агентов ЗД будут искать и другие наши сотрудники. Однако твой доступ к ВИПам как инспектора ФАК намного шире, поэтому именно на тебя мы возлагаем основную миссию опознавания зазомбированных чиновников.
- Кого именно?
- Список определён. Главные кандидаты в зомби – президент СОН, председатель Мировой Коалиции государств, директор ФСБ, командор Погранслужбы, президенты первой пятёрки экономически развитых стран: России, Китая, Индии, Бразилии и Австралии. Не считая директоров спецслужб и владельцев суперкомпаний.
- Руслан исподлобья посмотрел на Ивана.
- Командор Погранслужбы...
- Твоя бывшая жена. Мы не считаем, что она является эмиссаром ЗД, но обязаны предусмотреть все возможные варианты.
- Она сама мается, места себе не находит, не понимая, почему её кинули бывшие соратники из Межгалактической Комиссии. И я бы... – Руслан заставил себя успокоиться, – почувствовал, что она на **той** стороне.

– Верю, – серьёзно кивнул Грымов. – Не зря издревле говорят: муж и жена – одна сатана. Тем не менее тебе всё равно придётся оценивать её поведение и быть начеку.

– Я не собираюсь следить за... – вспыхнул Руслан.

– Не торопись, – жестом остановил его Грымов, – я не хотел никого обижать. Но возможности Вируса таковы, что Ярослава, да и любой из нас, может не справиться с пси-атакой.

Руслан остыл, отвёл глаза.

– Мы носим «вшинники».

– Появились новые разработки, в скором времени нам предложат более совершенные устройства защиты. Объясни Ярославе ситуацию, она поймёт.

– Хорошо, поговорю. Но я бы хотел закончить разборки с ЦУПом «Сферы», там не всё чисто.

– Мы подумаем. Возьмись за главных кандидатов, нам важно точно знать, кто из них на той стороне, как ты выразился. Слежки за собой не заметил?

– Кому я нужен, зануда? – усмехнулся Руслан. – Кому нужен тупой инспектор, соблюдающий все инструкции и выслуживающийся перед начальством? Легран меня таким и считает, судя по его отношению.

– Легран – это новый начальник отдела?

– С виду он прост как указательный палец, на самом же деле умный мужик, бывший французский коп, ловил всяких извращенцев и педофилов.

– Неплохая характеристика, надо к нему присмотреться. Ну что, начали, спасатель? Пора тебя расконсервировать.

Руслан с улыбкой пожал руку Грымову.

До контрразведки он работал в МЧС Солнечной системы, и Грымов напомнил ему о прежней работе.

– Я давно уже не спасатель.

– Ошибаешься, контрразведчики – те же спасатели, только помасштабнее, от наших действий подчас зависит существование всего человечества, как бы пафосно это ни звучало. Вспомни возню с Дженворпом.

– Меня в необходимости нашей работы убеждать не надо.

– Да я и не убеждаю, к слову пришлось. Часа через полтора тебе подвезут «эол» и помогут настроить. – Грымов вышел, не оглядываясь.

Руслан закрыл за ним дверь, вернулся в гостиную. В кафе идти одному по-прежнему не хотелось. Заработало воображение, перед глазами возникла звёздная вуаль – галактики Малое и Большое Магеллановы Облака, владения неведомых магелланцев. Интересно, намного они опередили человечество в развитии и как они выглядят?

Фантазия нарисовала образ гигантского паука с человеческой головой.

Только не это, покачал Руслан головой. С насекомыми он не дружил.

Пришла вдруг мысль, что он может теперь вполне легально общаться с Ярой. Хотя с другой стороны, оценивать её поведение, искать некие скрытые мотивы и стимулы – проявление «вражеского зомбирования» – было противно. Он ей верил. Нет, не так: он её любил! И после всего того, что произошло за последний год, начать подглядывать, сомневаться, искать «чужое»?

Он зашёл в акваблок, посмотрел на своё отражение в зеркале.

Никогда! – заявило отражение.

Согласен, кивнул он, скорчив рожу. Спросил мысленно: пошли повоем?

«Куда?» – отозвался терафим, посчитав, что вопрос задан ему.

– Не куда, – рассмеялся Руслан, – а на что – на Луну.

«Не понял».

«Это шутка».

«Понял».

Зазвонил мобильный.

– Ну, ты присоединяешься? – возник в объёме связи деловитый Саша Зуб. – Через полчаса прискачут Гриша Белов, Санька Вавин и Толян.

Руслан решительно пресек свои планы сесть за компьютер: он имел полное право отдохнуть и расслабиться.

– Лечу, ждите!

Через четверть часа он был у метро.

Глава 7

Вирус жив

Ярослава не знала, кто кроме неё является сотрудником Межгалактической Комиссии по контролю Закона, чьи представители вышли на неё четыре года назад и предложили поучаствовать в опасной игре с Вирусом Инферно, как люди стали потом называть Знающих-Дорогу-Не-Терпящих-Возражений. Ставки в этой игре были столь высоки – существование не одной человеческой цивилизации, но всей Метагалактики! – что не согласиться было нельзя. И ей пришлось уйти от мужа, Руслана Горюнова, человека горячего, обидчивого, амбициозного и творчески мыслящего, больше – ради его безопасности, меньше – ради целей Комиссии, стремящейся сохранить пул разумных систем во Вселенной. Но и после окончания схватки с агентами ЗД на Суперструннике, закончившейся нештатным запуском генератора «большой струны», её жизнь в качестве эмиссара МККЗ не закончилась. Последнее сообщение, полученное ею от координатора Комиссии, которого она никогда не видела воочию, было – ждать! Связь с координатором прекратилась, и она ждала, ждала уже год с небольшим, продолжая держать под рукой небольшой отряд помощников, с которыми работала на строительстве Дженворпа.

Не связывались с ней и агенты ЗД, для которых она тоже осталась их главным оперативным модератором, а вычислить их не удалось. Вернее, низовых наёмников, которые помогали конструктору Дженворпа Херцогу, перехватили контрразведчики «Сокола»: наёмники Знающих, как и агенты МККЗ, являлись людьми, завербованными неведомой рекрутинговой службой Вируса. Но выйти на верхи, контролирующие не только Суперструнник, но и всю структуру связей человечества, не удалось никому. Ярослава лишь могла догадываться, какой уровень зомбирования применили вербовщики Вируса и кто из высших руководителей Земли работал на Знающих-Дорогу.

Двадцать третьего июля, после видеосовещания с руководителями планетарных и национальных комитетов Погранслужбы, Ярослава уединилась в своём служебном модуле в Управлении земной Погранслужбы.

Башня центра располагалась в Индии, рядом с бывшим Домом Союза Объединённых Наций, на берегу Ганга. Правительство Земли полтора года назад переехало в Таиланд, в новую километровой высоты Башню Правительства, построенную в рекордно короткие сроки, но переносить офисы всех земных служб, в том числе и Пограничной, признано было нецелесообразным. Поэтому служба, отвечающая за контроль внутренних и внешних границ цивилизации, осталась в комплексе сооружений Баба Тадж, которому исполнилось уже почти двести лет.

Конечно, словосочетание «внешние границы» колыбели человечества было условным, эти границы всё время расширялись, земляне постепенно расселялись по планетам ближайшего звёздного окружения, однако помимо чисто природных космических тел в Солнечную систему залетали и разведчики иных разумных рас, о чём было собрано немало доказательств, и пограничники свой хлеб ели не даром.

Конечно, поиск и ловля инопланетян не входили в их обязанности, однако на самом высоком международном уровне было решено такую службу иметь. Земля представляла собой не просто колыбель цивилизации, но являлась одной из самых красивых, комфортных и удобных планет из миллионов обнаруженных в космосе и не пригодных для жизни. Этим обстоятельством можно было не только гордиться, Землю следовало защищать от предполагаемых посягательств более агрессивных цивилизаций, разведчики которых то и дело проявляли интерес к человеческой формации.

Если ещё год назад, до завершения строительства Суперструнника, о вмешательстве инопланетян в земные процессы можно было говорить с изрядной долей скепсиса, то после экспедиций к центру Галактики и к Магеллановым Облакам, буквально развёрнутых обратно к Солнцу, и особенно после войны с агентами Знающих-Дорогу, – тайна вырвалась наружу, о запуске «Супербольшого Ускорителя» (который вовсе не был ускорителем частиц) уже год судачили все земляне, – стало понятно, что земляне в космосе не ждут и контактировать с ними не хотят. А если и контактируют, то исключительно секретно, по-шпионски, агрессивно и презрительно, используя людей как разумных существ «второго сорта».

Масштабы же вмешательства **чужих** в жизнь землян представляли далеко не все президенты земных стран и даже руководители тревожных служб человечества, включая службы безопасности, среди которых было немало инопланетных агентов, создавших целую коррупционную сеть. И хотя в их разоблачении Погранслужба не участвовала, на её плечи ложилась колоссальная ответственность за оценку и проявление внешних агрессивных сил, цели которых шли вразрез с целями землян.

Видеоселекторное совещание, связавшее комиссаров и командоров Погранслужбы на всех планетах Солнечной системы, длилось не больше получаса. Ярослава давно вошла в курс дела, изучила все связи службы на уровне взаимодействия государств, всех подчинённых и коллег и знала, чего можно ждать от каждого.

Шестерых из начальников национальных погранслужб она отнесла к потенциальным агентам Вируса, среди них – командоров Китая, Польши и Прибалтийских стран. Опирались же без опасений получить, образно говоря, нож в спину можно было лишь на командоров России и Белоруссии – Георгия Толоконникова и Веслава Ляшко.

Просмотрев доклады подчинённых, Ярослава сформировала план работы на день и вызвала Веласкеса.

Бывший прораб стройки Суперструнника-Дженворпа остался её помощником и на новом приприще, хотя с его назначением пришлось повоевать с чиновниками СОН.

Практически никто из тех, кто сталкивался с ним, не знал, что Серджо Веласкес, уроженец Картахены, на самом деле витс новой формации. И с виду, и по поведению, и по мимике он казался человеком, хотя был создан искусственным путём на основе новейших биотехнологий и мог дать фору многим «живым» интеллектуалам по точности и креативности оценок людей и событий.

Он вошёл в кабинет командора Погранслужбы, доставшийся Ярославе от прежнего владельца Дмитрия Шевчука, и остановился у порога, внимательно глядя на сидевшую в кокон-кресле женщину: в меру высокий, в меру плечистый, вежливый, собранный, уверенный в себе.

Ярослава отключила связь с инком кабинета, развернула кресло к столу.

Весь служебный модуль, по сути, представлял собой комплекс обработки информации и связи с сотнями абонентов и командиров подразделений всех уровней и напоминал рубку космолёта. Единственными деталями, подчёркивающими личность хозяина кабинета, были цветы в высоких прозрачных кувшинах, стоящих по углам помещения, старинная картина на стене «Лесная готика» Константина Васильева, взятая Ярославой из дома отца, художника, и тонкий запах её духов.

Вспыхнули и исчезли стены кабинета, превращаясь в панорамные окна. Стал виден комплекс Баба Тадж, состоящий из старинных храмовых построек тысячелетней давности и современных лаун-башен высотой от трёхсот метров до полутора километров, леса вокруг, река и небо в завитушках облаков.

– Садись, – кивнула Ярослава на единственное гостевое кресло у стола, – в ногах правды нет.

– Кто-то сказал – её нет и выше, – философски заметил Веласкес, устраиваясь.

Она с любопытством оглядела лицо витса.

– Ты научился шутить? Это хорошо. Докладывай.

– Комкон расшифровал сообщение из Малого Магеллана.

– Это я знаю. Вывод?

– Выводов три, первый: Вирус что-то затевает и потому убирает со сцены свидетелей и потенциальных противников. Второй: мы чего-то не знаем или не видим, что одно и то же. Третий вывод: всё руководство Комкона зомбировано Вирусом, поэтому Комиссия будет тормозить все устремления даль-разведчиков и сотрудников Института Внешних Коммуникаций, направленные на установление контакта с кем бы то ни было.

– А наши молчат.

Веласкес продолжал смотреть на Ярославу с прежним вежливым вниманием, и она со вздохом призналась:

– Терпеть ненавижу неопределённости! Надоело жить в подвешенном состоянии и ждать связи.

– У нас нет выбора. Поговори с Русланом, пусть контрразведка возьмётся за чистку Комкона. И ещё мне не нравится, что вокруг тебя выются странные личности.

Она наморщила лоб.

– Кого ты имеешь в виду?

– Зачем к нам из ФСБ перевели второго консультанта и сделали твоим замом?

– Чаушеску? Он опытный специалист...

– Он стопроцентно агент Знающих. Плюс командир погранспецназа Османского халифата. Он-то почему зачастил к нам?

Ярослава улыбнулась.

Хасим Хасид действительно в последнее время зачастил в Главное Управление Погранслужбы, но его интерес был понятен: этот южный красавец-мачо, боец и чемпион Азии по микст-бою, просто влюбился в неё после первой же встречи, на представлении Ярославы командором в Доме Правительства. И потерял голову.

– Он увлёкся.

– Он мне категорически не нравится, а если начнёт мешать...

– Успокойся, Серж, он хорош, слов нет, но не в моём вкусе. К тому же я люблю своего мужа. Не стоит всех подозреваемых в связях с Вирусом считать врагами. Я предпочитаю из врагов делать друзей, а не наоборот. Буду рада, если Хасид окажется на нашей стороне.

– Скажи мне, кто твой друг, и я скажу ему, кто ты.

Брови Ярославы изогнулись.

– Ты сегодня исключительно шутлив. Скажи, пожалуйста... – Ярослава не договорила: от вириала служебного инка раздался переливчатый звон.

Оба посмотрели на «шишку» вириала, над которой распустился тюльпанчик световой индикации, как на ожившего мертвеца: это был сигнал, которого она ждала больше года.

– Серж!

– Вижу. Мне уйти?

– Останься, я заблокирую ракурс, сядь слева.

Веласкес повиновался.

Ярослава развернула кресло, мысленно скомандовала инку включить консорт-линию связи, недоступную прослушиванию.

Над столом вырос призрачный видеостолб компьютерной связи, внутри которого соткался мерцающий иероглиф блокиратора изображения: абонент не хотел, чтобы его видели.

– Госпожа Тихонова? – раздался характерный – со свистящими модуляциями и горловыми раскатами голос; говорили по-русски.

– Слушаю вас.

– Мы бы хотели убедиться, что это вы.

Ярослава усмехнулась.

– Я тоже хотела бы убедиться, что это вы.

Иероглиф вспыхнул, распался на светящиеся паутинки, которые, потанцевав несколько секунд, собрались в облик зверя, похожего на фантастического дракона. Это был опознавательный символ Знающих-Дорогу, изображение существа, скрывающего истинную форму координатора.

Ярослава открыла свой пароль – изображение саблезубого тигра, под которым она общалась с агентами Вируса. Пароль придумал Херциг, которому она подчинялась во времена строительства Суперструнника, и с тех пор Ярослава держала связь с ним и координатором Вируса только в образе тигра.

– Так лучше?

– Вы очень любезны. Адаптация на новом месте прошла успешно?

– Я готова работать.

– Прекрасно, пришло время. К сожалению, наши исполнители в Комконе не смогли заблокировать утечку информации о прорыве Аттрактора Крестовского, вам предстоит заняться этой проблемой.

– Я командор Погранслужбы, а не директор Службы безопасности.

– Он присоединится к вам в скором времени. Ваша задача – не допустить распространение влияния земной контрразведки, пресечь все попытки контакта с иными представителями галактического Союза цивилизаций и не допустить прорыва разведкораблей за пределы вашего спирального звёздного Рукава.

– Объясните смысл этих действий.

– Позже.

– В таком случае вы обратились не по адресу. Я не шестёрка, я системный модератор целеуказаний, мне необходимо знать **все** планы, просчитать результаты и последствия каждого шага. Это первое. Второе: вы забыли о поощрении. В наше время никто не работает бесплатно.

Дракон в центре виома распался на паутинки, возникла пауза.

Ярослава покосилась на стоявшего неподвижно Веласкеса. Тот кивнул, давая понять, что она действует правильно.

Паутинки сформировали ажурную фигурку дракона.

– Чего вы хотите?

– Мне обещали статус Фигуры Высшего Поклонения! Я хочу перейти на другой уровень взаимодействия со Знающими-Дорогу-Не-Терпящими-Возражений. Мне нужен прямой контакт с имеющими право отдавать приказы! И наконец, после исполнения вашего замысла мне нужна конкретная власть – над людьми ли, над иными живущими, над кем угодно в вашем мире.

Снова возникла пауза.

Дракон снова рассыпался на тающие нити, поплывшие во все стороны прядями водорослей.

Веласкес поднял большой палец, оценивая сказанное.

Ярослава подумала, что он порой ведёт себя как настоящий человек, а не витс. Но главное, Серджо был преданнее любого человека, если не считать Руслана, и мог всегда её поддержать, прикрыть и защитить.

Наконец «водоросли» снова собрались в ажурную фигуру дракона.

– Мы вынуждены прервать контакт для консультаций, ждите.

– Долго?

– Ждите.

Дракон рассыпался на золотые паутинки, просиял иероглиф, и виом опустел.

Ярослава выключила компьютер, прикусила губу, глядя перед собой остановившимся взглядом. Очнулась от голоса Веласкеса:

– Ну ты их и дёрнула!

– Похоже, переусердствовала... или напугала.

– Ни то, ни другое, они уважают силу и натиск, а тебе есть что с них требовать. Всё правильно, пусть видят, что ты знаешь себе цену.

– А наши молчат.

– Проснутся и они, я уверен, уж слишком агрессивно настроен Вирус, судя по ликвидации чьей-то дальней цивилизации. Вот куда надо бы направить разведку – к Стене Крестовского. Что там произошло? Почему Знающие поспешили уничтожить свидетелей какого-то события? Чего не учли деятели из Комиссии, рассчитывая на «тонкую подстройку» вакуума при взрыве Оси Зла? Да и туда надо бы слетать, посмотреть на то, что получилось. Свяжись с Русланом, дай инфу, пусть предупредит Воеводина. Ты часто с ним встречаешься?

Ярослава нехотя улыбнулась.

– Не задавай глупых вопросов, а то я подумаю, что ты его ревнуешь.

– Он мне нравится, только рискованный чересчур, не всегда рассчитывает последствия своих действий.

– Он изменился, я это вижу. Хотя это к делу не относится. Будем ждать ответа координатора. Как ты думаешь, кто он, под какой личиной прячется, чьим именем прикрывается?

– Это кто-то очень высоко сидящий, имеющий большие возможности и при этом незаметный, как волос на голове среди других волос.

Ярослава с сомнением заглянула в непроницаемые глаза витса.

– Как волос, говоришь? А ведь это идея, маэстро Серж! Искать координатора надо именно в болоте какого-то чиновничьего кабинета, среди разного рода экспертов, консультантов и прочей халдейской челяди. Он не президент и не министр, но он рядом с ними!

– Возможно.

– Не возможно, а так оно и есть, спасибо за идею, я подброшу её контрразведчикам. Ну что ж, Вирус жив? Это плохо. Но и мы пока живы, а это...

– Хорошо! – закончил Веласкес.

Глава 8

Повторение пройденного

С того памятного дня, когда его и Розу Линдсей, оставшихся в спасательном модуле в двенадцати тысячах световых лет от Солнца, подобрали космолётчики спейсера «Непобедимый» и доставили домой, Рудольф Маккена практически не изменился, даже не поседел. Зато сильно изменилась его личная жизнь.

Он сыграл свадьбу с Розой, после того, разумеется, как её вылечили, вырастив новое сердце, и женщина переехала к нему в дом, располагавшийся в кластер-штате Калифорния, на берег озера Моно.

Озеро располагалось на востоке Центральной Калифорнии, недалеко от Йосемитского национального парка, между горами Сьерра-Невада и Уайт Маунтинз.

Здесь никто не знал, что он служит в контрразведке и командует секретным космическим крейсером. Семья Маккены была убеждена, что он работает на транспортном терминале где-то в космосе, сам же он утверждал – на спутнике Юпитера Титане.

Роза Линдсей, являясь не только астрофизиком, но и сотрудницей Федеральной службы безопасности, экспертом в изучении аномальных явлений в космосе, также не изменила своей профессии. После всех событий, завершившихся после запуска Суперструнника, она прошла реабилитацию и добилась перевода из Института астрофизики Земли на работу в космофлот Службы безопасности. Второй её специальностью была инконики.

После этого её включили в команду обновлённого, укомплектованного новым «Умником» и антивирусной системой «Фагоцит», снабжённого новейшим генератором хода на основе «суперструнных» технологий спейсера «Ра».

В экипаж космолёта, способного теперь, по расчётам специалистов, преодолевать сотни тысяч и даже миллионы световых лет, вошли бывший драйвер-секунда Вячеслав Терёшин и бортинженер Вильгельм Иванов. Место первого пилота Вацлава Хржички, погибшего год назад во время драматического рейда к звёздному скоплению Омега Кентавра, занял Артур Воеводин, сын Степана Воеводина, руководителя спецотряда «Сокол» внешней контрразведки.

Парень был ещё очень молод: ему исполнилось всего двадцать четыре года, – но проявил себя во время схватки с Вирусом с лучшей стороны, и даже Маккена не нашёл возражений после его назначения в экипаж «Ра».

При этом члены экипажа продолжали числиться сотрудниками разных транспортных компаний и исправно трудились на ниве перевозки грузов (Терёшин) и пассажиров (Иванов).

Сам Маккена консультировал молодых руководителей космических контор в международном Центре технического образования.

Роза Линдсей исправно посещала астрофизический институт в Мексике и работала экспертом в Службе безопасности Еврозоны. Документ о проведенной замене сердца позволял ей работать без твёрдой фиксации рабочего времени, чем она и пользовалась, если надо было выполнить работу, которую надо было скрыть.

Все были счастливы, особенно Маккена, влюбившийся на склоне лет в Розу как мальчишка. Впрочем, и она отвечала ему взаимностью, хотя выражать свои чувства на публике оба не хотели и вели себя сдержанно даже среди друзей и родственников. Лишь во времена интимной близости оба преображались и теряли головы, отдавая себя друг другу в порыве страсти, как в молодости. И страсть эта не проходила, заставляя их мечтать о встрече каждый день.

Двадцать четвёртого июля Маккена проводил Розу до метро, вернулся в бунгало на берегу озера и неожиданно получил приглашение от начальника базы «Сокол-14», располагавшейся на Умбриэле, спутнике Урана, прибыть на базу в режиме ЧС.

На вопрос: причина? – инк-секретарь начальника базы Сэмюэля Бильжо ответил: узнаете.

Маккена, собравшийся ехать в Центр образования, посмотрел на часы и принялся переодеваться. В Центр он ходил в обычном гражданском уник-костюме, в космос, за пределы Земли, следовало выходить в специальном унике или в «кокосе» – компенсационном костюме спасателя, имеющем все степени защиты. События на Суперструннике показали, что агентура Вируса, заинтересованная в исполнении задуманного, способна на любые преступления. Тем более что возможностей для похищения, программирования или уничтожения любого противника хватало, причём средства для этого не надо было доставлять в Солнечную систему из других галактик, люди сумели накопить гигантские арсеналы оружия и средств уничтожения себе подобных, в том числе на основе таких экзотических технологий, как психозомбирование, квантово-гравитационное воздействие, «суперструнное» сжатие и нанотехнологии.

В двенадцать часов дня по средне-солнечному времени, что соответствовало времени нулевого меридиана Земли, Маккена вышел из терминала метро Умбриэля, совершив за одну минуту два гиперпространственных прыжка: из метро Мичигана в Центро-СПАС под Рязанью – на восемь тысяч километров, где располагался один из самых закрытых транспортных узлов, а оттуда – к Урану, который от Земли отделяло расстояние в два миллиарда восьмисот миллионов километров. Двойной переход потребовался ему для того, чтобы системы контроля общественного метро Солнечной системы не могли зафиксировать код конечного пункта линии метро. СПАС-центр Управления аварийно-спасательной службы России имел более защищённые линии, исключающие возможность пеленгации и перехвата.

В ангаре метро базы было холодно, сила тяжести держалась на уровне лунной¹³, но передвигаться по коридорам базы это не мешало, Маккена хорошо переносил и полную невесомость, и дикий космический холод.

Его встретил виф обслуживания базы, выглядевший как молодой человек в костюме техника.

– Прошу вас, мистер Маккена, я провожу.

– Сгинь, – проворчал Рудольф, – я знаю дорогу.

Видеофантом исчез.

Через минуту, встретив всего одного человека, дружески ему кивнувшего, Маккена вошёл в служебный модуль начальника базы.

Его ждал сюрприз: Сэмюэль Бильжо был не один. Кроме него в кабинете вокруг прозрачного столика сидели трое: хозяин модуля, коренастый, большеголовый, с пушистыми усами и баками, с крючковатым носом, а также руководитель «Сокола» генерал Воеводин и его ближайший помощник Иван Грымов.

– Добрый день, – поздоровался Маккена, не выдавая своего любопытства; ему это далось легко, лицо командира спейсера «Ра» редко отражало какие-либо эмоции.

– Садитесь, – пригласил его Бильжо.

Воеводин привстал, протягивая руку, что было признаком расположения: он уважал Маккена, и Рудольф это ценил.

Подав руку и Грымов, кажущийся совсем мальчишкой среди этих серьёзных сдержанных людей.

– Кажется, назревает поход? – хладнокровно сказал Маккена, ни к кому в особенности не обращаясь.

¹³ Сила тяжести на Луне в 6 раз меньше земной.

Руководители сверхсекретной службы человечества, призванной защищать людей от проявленного не один раз инозвёздного, а точнее – «завселенского» врага, переглянулись.

– Вы как всегда правы, Рудольф, – кивнул Воеводин. – Проявился Вирус.

– Где?

– Пока не у нас. Иван, введи полковника в курс дела.

Грымов вытянул руку, на запястье у него мигнул красным огоньком «Ролекс», объединявший в себе органайзер, мобильный виом и компьютер. В пирамидальном объёмчике передачи возник белый паучок, превратился в лист записи.

Маккена внимательно прочитал текст сообщения магелланцев, посмотрел на Воевину.

– Вопрос можно?

– Валяйте.

– Что такое Бомба Хаоса? Не «нульхлоп»?

– Вряд ли, «нульхлоп» – это генератор банальной свёртки пространства, а тут, видимо, речь идёт о принципиально новом для нас явлении.

– Мы на ВВУ? – Речь шла об императиве «внезапно возникшая угроза».

– Пока на «ползучей змее», – сказал Грымов. – Не хотим поднимать панику.

– Что требуется от меня?

– Вы уже догадались – поход.

– Хорошо иметь дело с понимающим человеком, – благожелательно улыбнулся Сэмюэль Бильжо.

– Он профессионал, – пожал плечами Воеводин. – Рудольф, мы проверяем все возможные варианты нанесения удара по Солнечной системе. Наш консультант утверждает, что Вирус просчитал последствия запуска Дженворпа глубже нас.

– Кто консультант?

– Доктор физматнаук Шапиро. Он посоветовал сделать три быстрых и очень далёких рейда в космос. Первый – к Омеге Кентавра, где вы обнаружили Ось Зла.

– Я готов. Хотя экипаж надо доукомплектовать.

– Это не проблема. С вами полетит и сам Шапиро, и возможно, группа десанта.

– Как прикажете. Нужен оператор ЗУ¹⁴.

– Плюс опытный инконик.

– В качестве инконика я хотел бы взять Розу Линдсей.

Воеводин и Грымов обменялись короткими взглядами.

– Но Роза пережила операцию по пересадке... – начал Грымов.

– Она в порядке, сердце не беспокоит, мы прошли все виды тестирования кардиосистемы. К тому же она специалист по КАЯ¹⁵.

Воеводин побарабанил пальцами по мослатому колену, помолчал.

– Ей придётся пройти медкомиссию.

– Пройдёт. Если понадобится, мы подпишем медицинские обязательства СРАМ.

– Хорошо, закрыли тему.

– Сколько у меня времени на подготовку?

– Одни сутки.

Маккена кивнул, не меняя выражения коричневого, бугристого, твёрдого лица.

– Техническая упаковка?

– На базе заканчивается погрузка на борт «Ра» всего необходимого. На рейд вам отводится всего неделя, а лучше, если вы вернётесь раньше. Нужно нырнуть к Омеге, убедиться в том, что Ось Зла взорвалась, а скопление продолжает благополучно существовать.

¹⁴ ЗУ – защитные установки (разг. сленг).

¹⁵ КАЯ – космические аномальные явления.

– Или тоже взорвалось, – сморщился Грымов.

– Или тоже взорвалось, – согласился Воеводин. – После возвращения мы соберёмся на совет, а вы сделаете прыжок по вектору Кентавр – Паруса. В том направлении движется гигантская струя галактик, так называемый «тёмный поток», и мы подозреваем, что причина этого явления связана с деятельностью Вируса.

– Мне нужна полная картина происходящего, все гипотезы и анализ аномальных зон.

– Без проблем, пообщаетесь с нашим Стратегом.

Маккена кивнул: Стратегом называли огромной мощности инк Федеральной службы безопасности, хранящий все базы данных тревожных служб.

– Вы говорили о трёх рейдах, два понятны, куда третий?

– Идёт обсуждение, мы ещё не решили точно, однако скорее всего это будет поход к Аттрактору Крестовского под названием Стена.

– Три миллиарда световых лет, – добавил Грымов извиняющимся тоном.

– Ого! – удивился Маккена, глянув по очереди на руководителей контрразведки. – Далековато.

– Далеко, – сочувственно кивнул Воеводин. – Так глубоко в космос не прыгал ни один наш спейсер, мы будем первыми. Однако необходимость этого шага прямая, депеша магелланцев прямо указывает на угрозу, исходящую из этого района метадомена. Надо слетать и посмотреть, что там происходит.

– Далеко, – повторил Маккена, качнув головой; в данный момент он думал о жене – выдержит ли она такой далёкий прыжок, несмотря на заменённое сердце.

– До «дыры» между Кентавром и Парусами, – сказал Грымов, – куда течёт «тёмный поток», тоже примерно три миллиарда светолет.

– Дыры? Почему дыры?

– Шапиро подозревает, что в том районе расположен многомерный выход в наш космос чужого континуума – из соседнего Метагалактического «пузыря». Он назвал этот выход «big invisible hole» – «большая невидимая дыра». Предполагается, что этим выходом – «дырой» в космосе, так сказать, пользуются и Знающие-Дорогу.

– Очень интересно.

– Вы так полагаете?

Маккена никак не отреагировал на острый взгляд Воеводина.

– Я полагаю, что мы должны поторопиться.

– В этом я с вами солидарен. А как по-вашему, что такое Бомба Хаоса?

Маккена помолчал.

– Всякая бомба предполагает взрыв, поэтому к нам хотят доставить носитель этого взрыва, а носителем может быть что угодно. – Маккена подумал. – В том числе любой спейсер большого класса. Если Знающие захватят какой-нибудь наш корабль за пределами Солнечной системы, есть смысл ждать возвращения дальних экспедиций и проверять каждый космолёт.

Воеводин откинулся на спинку кресла, не сводя потемневших глаз с лица Рудольфа. В кабинете стало совсем тихо.

– Я тоже склонен... – шевельнулся Бильжо, взъерошив бакенбарды.

– Иван, – перебил его командир «Сокола», – список всех космолётов, находящихся за пределами Системы! Быстро! Даль-разведчики, пограничники, безопасники, частные фирмы – всё, что летает!

– Уже дал команду, – невозмутимо сказал Грымов, постоянно связанный мыслесвязью «спрута» со своими подчинёнными.

– Благодарю, Рудольф, вы подали ценную идею. Мы думали об астероидах из антиматерии и сгустках какого-то экзотического поля.

– Бомбой может стать и астероид, – меланхолично отозвался Маккена, – и генератор полей. Но искать надо именно способы доставки.

– Ещё раз спасибо, идите, готовьтесь к походу, сбор здесь же, на базе, через двадцать четыре часа.

Маккена встал, кивнул оставшимся и вышел.

Однако двинулся не к отсеку метро, а к транспортному терминалу базы, в одном из закрытых ангаров которого находился спейсер «Ра».

В первом ангаре было многолюдно, по затемнённому залу вдоль шеренги корветов медленно ползали всевозможные кибы, многорукий механизм что-то вытаскивал из чрева ближайшего корвета.

Кроме космолётов группы быстрого реагирования ангар вмещал с десятков катеров разного класса и фрегат «Миннесоту», способный ходить в космосе «беззвучно», в режиме «инкогнито». Это была на сегодняшний день одна из самых совершенных пространственных машин земного флота, принадлежащая контрразведке, но она ещё ни разу не стартовала с поверхности Умбриэля, даже во время известных событий на Суперструннике. Руководители контрразведки придерживали корабль для особых случаев, которые могли проявиться в любой момент.

Маккена подумал об этом мельком, на бегущей ленте добрался до самого дальнего угла ангара, остановился перед нишей со светящейся бледно-зелёной полосой с краю.

Мигнули лазерные нити, оконтурили лицо гостя. В нише бесшумно протаяла дверь, Маккена шагнул вперёд и оказался в почти такого же размера ангаре, в котором размещался только один космолёт – спейсер «Ра».

Маккена сделал несколько шагов и остановился. Несмотря на всю свою выдержку и хладнокровие, он почувствовал учащённое сердцебиение и трепет: этот корабль не раз спасал свой экипаж и не погиб во время памятного рейда к Оси Зла, несмотря на все ухищрения врага, запустившего в его недра мощнейший нановирус.

«Ра» был не первым и не единственным крейсером космического флота человечества, принадлежащим секретному подразделению для отражения возможных атак врагов, как внешних, так и внутренних. Около полусотни лет назад в экспедиции к ядру Млечного Пути участвовал спейсер такого же класса «Индра», а в ликвидации последнего оплота Лиги Ваххабитов на Марсе отличился фрегат «Либеро», также входящий в резерв Федеральной службы безопасности. Да и корветы «Варяг» и «Кенгуру», принадлежащие контрразведке, тоже поработали недавно при заварухе на Суперструннике. А семьдесят лет назад всему флоту ФСБ и контрразведки пришлось отражать атаки террористов во время Второго Террористического Кризиса. То есть флот тревожных служб цивилизации не застаивался. И всё-таки «Ра» был и оставался уникальным кораблём, надёжность которого была проверена неоднократно.

– Привет, амиго, – пробормотал Маккена подобревшим голосом, разглядывая правильный конус корабля, достигавший высоты в сто двадцать метров.

В настоящий момент спейсер, способный менять форму в широком диапазоне геометрических фигур – в зависимости от внешних условий и предполагаемых угроз, находился в режиме ожидания и казался отлитым из «хрусталя и ртути». При этом он после всех доработок и ремонтов превратился в квазиживой организм с высочайшим уровнем компьютерной обработки информации, вызывающий ощущение мощи и угрозы, и казалось, смотрел на человека со сдержанной подозрительностью.

Постояв несколько минут в глубокой прострации, Маккена поклонился и вышел из ангара. У него осталось ощущение, что космолёт его признал, хотя инк спейсера был заменён и не мог помнить прежнего командира.

* * *

Ровно сутки спустя Маккена и Роза Линдсей появились на базе Умбриэля вместе с борт-инженером Вильгельмом Ивановым, который летел вместе с ними и сопровождал командира из рязанского метро СПАС-центра.

Их ждали в ангаре возле «Ра» остальные члены экипажа: драйвер-прима Вячеслав Терёшин, блондин с соломенными волосами, соломенными усиками и бледно-голубыми глазами, первый пилот Артур Воеводин, очень похожий на своего отца, в особенности кряжистой мощной фигурой и спокойным взглядом серых глаз, а также весьма симпатичная девушка с необычной причёской. Волосы у неё были заплетены сзади в косички, а спереди образовывали нечто вроде короны. У неё был курносый нос и внимательные карие глаза.

Кроме того, в ангаре присутствовали и ответственные за всё происходящее лица: Воеводин-старший, Грымов, Сэмюэль Бильжо и суровый седой джентльмен в белом официал-унике с эполетами. Это был директор ФСБ Солнечной системы Михал Вондлярский, заменивший ушедшего после событий на Суперструннике Алана Гута.

Возникла заминка, потому что Маккена, здороваясь со всеми, посмотрел на незнакомку и не обратил внимания на директора Службы безопасности.

Впрочем, тот сам вышел из положения.

– Знакомьтесь, полковник, это Вероника Солнышко, – улыбнулся он, – лучший специалист флота по защитным установкам. Она полетит с вами.

– Прошу прощения. – Маккена поискал глазами Воеводина. – Мои рекомендации не прошли?

– Она **лучший** оператор ЗУ, – мягко подчеркнул Воеводин. – Рудольф, мы все хотим, чтобы вы вернулись с победой.

– Хорошо, полагаюсь на вас. – Маккена подошёл к девушке с необычной фамилией Солнышко. – Один вопрос: вы работали с инком боя в режиме «один на один»?

– Не один раз, – очень серьёзно ответила Вероника.

– Она участвовала в шести военных конфликтах, – добавил Михал Вондлярский, – и сбила семнадцать машин террористов.

Маккена покосился на жену.

– Сработаемся, – улыбнулась Роза Линдсей.

– Где пассажир? – Он имел в виду Шапиро.

– Уже на борту, – сказал Грымов.

– Десант?

– Экспедиция разведывательная, десант не нужен.

– Пакуемся.

Космолётчики, одетые в серо-чёрные «кокосы», гурьбой потянулись к пандусу, открытому под кормой спейсера.

Воеводин взял Маккена под локоть, отвёл в сторону.

– Полковник, не буду напоминать вам об ответственности...

– Не надо, – согласился Рудольф.

– Вы получили всю доступную информацию о положении дел. В прошлый раз в планы Вируса не входила ликвидация цивилизации, теперь его планы изменились.

– Я понимаю.

– Дойдите до Оси Зла... и вернитесь! Вам предстоит ещё не раз летать за пределы Галактики.

– Вернусь! – пообещал Маккена железным голосом.

На борт спейсера он поднимался последним.

Оставшиеся в ангаре смотрели ему вслед с разноречивыми чувствами, но с одинаковым ожиданием.

– Он справится, – сказал Воеводин, отвечая на немой вопрос директора ФСБ. – Идёмте, здесь нельзя оставаться, посмотрим на старт из кабинета Сэмюэля, ждать ещё не меньше полу-часа.

Люди покинули ангар.

Рубка корабля встретила Маккена весёлым шумом: члены экипажа не скрывали своей радости по поводу нового похода «на край света». Заметив командира, они притихли, устраи-ваясь в своих кокон-креслах.

Маккена огляделся, отмечая, что рубка не изменилась, представляя собой особо защи-щённый отсек с креслами, позволяющими космолётчикам получать любую информацию из баз данных корабля и тревожных служб, держать связь с любым абонентом на Земле и в космосе и видеть всё вокруг космолёта в пределах действия его визуально-оптических и радарных систем.

Кресла стояли полукругом перед вогнутой стеной общего виома наблюдения, ничем не отличаюсь друг от друга: три слева, три справа и одно, командирское – чуть впереди.

Без лишней суеты подключили «кокосы» к штуцерам медицинского и биоконтроля.

Маккена, исподтишка наблюдая за уверенными неторопливыми движениями оператора ЗУ, остался доволен. Он рекомендовал Воеводину включить в состав экипажа Стэнли Макг-роу, с которым летал на других кораблях пару лет назад, но теперь подумал, что будет лучше, если в экипаже окажется ещё одна женщина, да ещё такая интересная. Шесть операций, сем-надцать уничтоженных бортов с террористами... м-да! Это характеристика! Чтобы завоевать внимание такой дамы, парням придётся постараться.

Кресло спеленало его «лепестками» биосъёмов.

– Переключка!

Экипаж отозвался бодрыми голосами.

Маккена подключился к пассажирскому отсеку, где в гордом одиночестве располагался единственный и главный пассажир – эксперт экспедиции Всеволод Шапиро.

– Всеволод Дмитриевич, Маккена: как устроились?

– Нормально, – ответил Шапиро, голова которого с буйной седой порослью торчала из кокон-кресла, как необычной формы одуванчик. – Знакомлюсь с вашим Умником.

Он имел в виду инк корабля.

– Его зовут Клиффорд.

– Очень хороший собеседник, я даже не предполагал.

– Я рад. Вылет через полчаса, я предупрежу. – Маккена перешёл на мыслесвязь: «Клиф-форд, КФС¹⁶».

«Начал, – ответил инк управления космолётом мягким мысленным баритоном. – Допол-нительные вводные?»

«Полётное задание по стандарту А. Старт штатный, на шпуге, до границ Системы, затем прыгнем по «струне» к Омеге Кентавра, точные координаты получишь после выхода за Нептун. Объект – Ось Зла».

«Принял».

Маккена послушал переговоры членов экипажа: голоса звучали спокойно, Терёшин даже пошутил насчёт существования «неземного рая», что если он и существует, то уж точно в другой Вселенной, – перешёл на звуковую связь:

– Прима, доверяю старт.

– Понял, командир, – спокойно ответил Артур, – я готов.

¹⁶ КФС – контроль функционирования бортовых систем корабля.

Всё складывалось хорошо, несмотря на тревожный подтекст нового похода к Оси Зла, и тем не менее защемило сердце.

«Ра» уже стартовал с поверхности Умбриэля год назад, и закончилось это весьма печально.

Маккена включил личный канал связи:

– Роза, ты как?

– Всё хорошо, родной, – ответила жена с понимающей улыбкой, – не волнуйся за меня, я выдержу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.